

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Грязная история

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Грязная история / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

Плетнев и Турецкий, слегка загуляв, задержались в Новороссийске. Но профессиональные следователи не остаются без дела. Плетнев разыскивает убийцу проститутки Гали, с которой был знаком всего несколько часов, но за это время понял, что ей грозит опасность. Он успел даже побывать в качестве подозреваемого. Поэтому считает делом чести найти настоящего убийцу. К Турецкому приезжает из Ставрополя бывшая чемпионка по пулевой стрельбе Гущина, которую десять лет назад несправедливо обвинили в убийстве по неосторожности и осудили на три года. Спустя годы она понимает, что кто-то хочет помешать ей в новой успешной жизни, вытянув на свет порочащую ее информацию о бывшей судимости. Она просит Турецкого расследовать старое дело, чтобы восстановить свое честное имя. Турецкий берется за дело и вскоре понимает, кто является настоящим убийцей и почему вместо него осудили Гущину.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	10
3	17
4	27
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фридрих Незнанский

Грязная история

1

Девчонки собирались шумно и долго, возбужденные предстоящей вылазкой в город. Лида вся извелась, пока они советовались друг с другом, перебирая свои многочисленные наряды и завалив цветастыми тряпками ее диванчик. На диванах Любаши и Валюши был вечный бардак, а теперь и ее выглядел не лучше, как прилавок дешевого рынка, хотя Лида беспорядка терпеть не могла. Но она молчала, робела перед Валюшей и Любашей, которые уже не первый год плавали на туристическом лайнере, а у нее это первый рейс. Девчонки вели себя заносчиво и частенько подтрунивали над ней. Не то, чтобы зло, но и не безобидно. Лида проглатывала эти мелкие уколы, деваться было некуда. Огрызаться она умела, но перед этими горластыми и нахальными девками терялась. Ей казалось, что любой отпор с ее стороны будет выглядеть глупо и беззубо, лучше не связываться с ними.

В своих сборах соседки по каюте не обращали на нее никакого внимания, будто ее и рядом нет. Один раз, правда, небрежно предложили махнуть с ними, но она отказалась. Вот они и решили, видимо, что слишком много чести будет этой деревенской простушке – уламывать ее. Лида думала об этом с легкой обидой. Ей хотелось, чтобы они ее поугovarивали, хотя про себя окончательно решила, что все равно откажется. Но они сразу всецело переключились на свои шмотки, и Лида поняла, что и пригласили ее только из вежливости, а на самом деле ни на фиг она им не нужна. Они девочки городские, «упакованные», она им не пара – и одежды еще не успела прикупить такой же модной, как у них была, и личико у нее было простоватое, на их фоне совсем деревенской выглядела... Наконец они остались собой довольны и, небрежно помахав ей на прощание, с веселым щебетом отправились в город кадрить мужиков.

После их ухода Лида долго крутилась у зеркала с набором дешевенькой косметики, пытаясь придать своему скуластенькому, с небольшими глазками лицу загадочный вид. Ну, теперь вроде выглядит очень даже ничего. Даже губы удалось немного увеличить за счет удачной помады и карандаша, которым она старательно обвела контур губ, лихо выехав за их естественную форму. К сожалению, получилось не так ярко, как у Валюшки или Любашки, но они и косметики на себя накладывают немерено. А ей, непривычной ко всяким этим городским хитростям, все время приходится бороться с собой, чтобы косметики было поменьше, иначе она себе казалась вульгарной. Да и то – увидела бы мать ее с этими едва заметными тенями и накрашенными ресницами, – точно отхлестала бы мокрой тряпкой, чтобы побольше... А не понимает того ее мамаша, что в городе иначе и нельзя, никто из ребят на незаметную скромную девушку и не позарится. Вон у девчонок сколько ухажеров. И на корабле, и в каждом порту, куда они прибывают на туристическом лайнере... К Лиде тоже иногда подкатывались бравые морячки, но только она скажет какому-нибудь парню: «Я девушка скромная, деревенская», тот сразу и на попятную. На кой ему валандаться, время терять, уговаривать, когда и без уговора всегда найдется подружка хоть на день, хоть на час. Девчонки ее уже высмеивали: «Что же ты их всех отпугиваешь? Посмелее надо быть, понапористее. А то так и не найдешь себе жениха со своими деревенскими оправданиями...» Но Лида не так отпугивала кавалеров, как сама их боялась. В портах просто так за ручку не ходят, им другое подавай. А она не готова еще довериться парню, вдруг обманет? Не зря же говорят – поматросит и бросит. А ну как ребеночек получится? И куда она с ним тогда? Отец убьет. Да и мать не пожалеет. И так отпускали ее в плавание с таким скрипом, с такой неохотой, год их уговаривала. Только нужда заставила отпустить дочку от себя в этот страшный мир, где девки курят, пьют, красятся, как непотребные какие, а парни

только и норовят обмануть скромную девушку. Родители у Лиды были из старообрядцев и, невзирая на двадцать первый век, такими и оставались – отвергающими современную жизнь. Поскольку деревня их вдалеке от больших городов раскинулась, и автобусы туда приходили из райцентра два раза в день. Одним словом, глухомань.

С непривычки туфли на каблуках немного жали ноги, но она все-таки решила сойти на берег при полном параде. Прочь босоножки на удобной подошве, сегодня она должна выглядеть на все сто. Вдруг наконец решится ее судьба?

Девчонки уже час как убежали, но Лида не торопилась. Что толку бродить толпой по набережной? Не настолько она была в себе уверена, чтобы конкурировать с более разбитными подругами, которые держались свободно и даже нагло. А Лиду в ее первом круизе все пугало. И сальные шуточки матросов, и незлые насмешки подруг, таких же горничных, как она. Пассажиры ее в упор не замечали, да и ей на них было наплевать. Работу свою делала старательно, не халтурила. Главное, никаких жалоб на нее не поступало. А то так и вылететь недолго. А она целый год ждала, когда ей исполнится восемнадцать и можно будет подать документы на визу. Поступить на туристическое судно на работу не так-то и легко, желающих много... И когда удача ей улыбнулась да еще и родителей удалось уломать, она делала все, чтобы на нее не было никаких нареканий. Хотя пассажиры всякие бывают. И капризные, и просто вредные, и даже невыносимые... Вон Валюшка рассказывала, как одна молодая англичанка пила всю дорогу, будто алкашка какая-то, и приходилось по несколько раз в день убирать каюту... Алкоголь и морская качка не всегда совместимы. Но зато на прощание подарила Валюшке ворох своего шмотья. В благодарность за заботу. Девчонки потом с завистью рассматривали заграничные шортики и маечки и удивлялись щедрости англичанки. Им в этом сезоне туристы еще ничего не дарили, кроме дежурных шоколадок, – жаловались они друг другу. Но никто не признавался, что изредка перепадали чаевые. В твердой конвертируемой валюте – так убеждал их помощник капитана. Хотя какая она теперь твердая, если курс все время падает? Даже Лида это поняла, потому что платили им в рублях по курсу доллара, и зарплата прямо на глазах уменьшалась.

Лиде тоже повезло, один старичок-моховичок, который говорил на неведомом ей языке, за ее усердие и скромность сунул пять долларов. И она от неожиданности вспыхнула, как маков цвет. Он даже сам смутился, не ожидая такой реакции. И топтался нерешительно, словно ожидал, что она вернет зеленую бумажку. Мало ли какие порядки у русских... Но Лида вспыхнула вовсе не от возмущения, а от радости, чего старичок и предположить не мог. Не такое уж большое вознаграждение отстегнул он ей от своих щедрот. Зато потом уже она принимала чаевые как должное, но без жадного нетерпения. Дадут – большое им спасибо. Нет – значит, жмоты и не стоят доброго слова.

На корабле почти никого не было, все отправились гулять по Новороссийску. Пока она поднималась на палубу, ей встретился только помощник капитана Иван Васильевич.

– Ну что, гулять идешь? – улыбнулся он ей ласково. Лида любила Ивана Васильевича. Он был добрый и никогда не ругался. – А что же без подружек? Не боишься одна?

Лида пожала плечами.

– А чего бояться? Я же недалеко. По набережной погуляю, в магазины зайду. Хочу своим что-нибудь купить.

– Ну смотри, осторожно. А то видишь, как гавань забита? Моряков на берегу, что песку на пляже... Кстати, с иностранцами не знакомься. Они парни ушлые, им одно надо... – предостерег он молоденькую горничную, которая своей застенчивой улыбкой напоминала ему дочку.

– А я ни с кем и не собираюсь знакомиться, – покривила душой Лида. Не признаваться же, что именно с этой целью она и собирается выйти в свет и проторчала у зеркала в своей каюте битый час, чтобы косметикой скрыть свое деревенское происхождение, над которым любили подтрунивать девчонки.

Набережная выглядела празднично. Девушки гуляли нарядные, да все стайками. А наряды у них были – мама дорогая! Где ж они все это покупают? Моряки беззастенчиво рассматривали девчонок и иногда кричали им что-то весело и призывно. Пока Лида медленно и независимо шла по набережной, на ее глазах несколько девушек уже познакомились с моряками и тут же отправились в ближайшие бары. Лида тихонько вздохнула. На нее никто не обращал внимания. Наверное, нужно было пойти с девчонками. А то у нее слишком скромный вид, чтобы привлечь к себе внимание. Правда, вон идут двое, глазами так и шарят. Но не моряки. Скользнули цепким взглядом по ее лицу и тут же отвели глаза. Не больно-то и надо. Они ей и сами не понравились. Один долговязый тип шагал развязной походкой, бейсболку надвинул на самые глаза, головой вертел, словно искал кого-то. Нервный какой-то. А второй и вовсе на боксера похож – морда широкая, нос расплюснут, да и староват. Лет тридцать пять по виду. Лиде такие не нравились.

Вдоль набережной стояли палатки с различными сувенирами. Возле них толпились туристы, покупали всякую дребедень. Лида тоже было подошла к сувенирщикам, но потом решила по мелочам не тратиться. Мало ли что еще попадет по дороге. Денег негусто, надо экономить. А чаевые она будет копить, а потом привезет родителям, пускай покупают или стиральную машину, или пылесос. На что хватит. А вот в кафе под ярким полосатым тентом ноги понесли сами.

За столиками сидели веселые праздные люди, ели мороженое, и Лида решила тоже себя побаловать. Посмотрела на стеклянную витрину, и глаза ее разбежались. Никогда еще она не видела такого разнообразия. Хотелось попробовать и фисташкового, и бананового, и с лесными ягодами... Она растерялась, не решаясь сделать свой выбор. За ней уже пристроилось несколько человек в небольшую очередь. И какой-то парень за спиной посоветовал:

– А вы возьмите каждого вида по шарiku.

Лида так и поступила, благодарно улыбнувшись советчику, но тут же немного расстроилась. Он стоял с девушкой и нежно обнимал ее за талию.

Лида уселась за столик и от нечего делать стала глазеть на проходящих мимо людей, не спеша лакомясь мороженым. Вот прошла девушка в таком ярком и открытом топики, что Лиде сразу стало понятно, почему на нее оглядываются матросы. Узкие джинсы обтягивали ее круглую попку, но почему-то джинсы были в разных местах как бы изрезаны. В прорехах проглядывало голое тело. Лида подумала, что девушка, пожалуй, и трусики не носит. Во всяком случае, дыра под попой открывала голое тело и угадывалось отсутствие белья. Наверное, мода теперь такая – драные джинсы носить, – подумала Лида и решила взять это на вооружение. Сама, конечно, так никогда не осмелится вырядиться, но зато будет что рассказать деревенским подружкам. Хотя, пожалуй, они и не поверят... Волосы у девушки были не очень-то в порядке, растрепанная какая-то. Да и вид заполошный. К ней уже несколько раз подкатывались моряки, но она шла быстро, не обращая на них внимания. Только высокие каблочки ее ярких перламутровых туфель звонко стучали по асфальту. Лида почему-то уставилась на нее и не могла понять, что же привлекло ее внимание к этой девушке. А-а, тоже вертит головой, выискивает кого-то. Да какая-то напряженная, несется на своих каблуках, будто за ней погоня. Неожиданно девушка завернула за соседнюю палатку и высунула голову, оглядывая набережную. Прячется от кого-то, – поняла Лида. И не знает, откуда этот человек может появиться. Потому и вертит головой во все стороны. В таком наряде Лида и сама бы пряталась от людей. Вырез на груди девицы едва до пупка не достает. Сиськи прямо наружу вылезают. Девушка вышла из укрытия и быстро пошла дальше, наискось пересекая набережную. Неожиданно Лида опять увидела тех парней, которые вот так же вертели головами. Они проходили как раз мимо Лиды, и до нее донеслись обрывки их разговора.

– ...Потеряли... – с досадой бросил тот, что в бейсболке.

– Людные места выбирает, зараза... – сказал «боксер» и ткнул приятеля локтем в бок. – Ты глазами смотри, дылда, а не головой... Вертишь башкой, как петух.

Они остановились на мгновение и высокий парень растерянно спросил:

– Куда же она подевалась?

– Тебе видней... Это же твоя девка, – язвительно процедил «боксер».

Высокий парень прищурил глаза и посмотрел на сидящих в кафе. Лида встретила с ним взглядом и ей стало неуютно. Нехороший взгляд был у парня. Злой. И второй тип ему под стать. Оба по виду – настоящие бандиты.

– Слышь, Валерчик, если она сбежит – ты труп! – с угрозой сказал «боксер».

Лида опустила глаза в свою креманку и боялась поднять голову. Ей вовсе не хотелось, чтобы парни догадались, что она их слышит.

– Да ей и бежать-то некуда... Нюхом чую, где-то тут шляется... – Голос Валерчика дрогнул. Он посмотрел на противоположную сторону и вскрикнул:

– Да вон она... Галька! Стой!

Лида подняла голову и проследила за его взглядом. К перекрестку подходила та девушка в дырявых джинсах в обтяжку, на которую Лида обратила внимание. Та тоже заметила преследователей и побежала, в отчаянии глядя по сторонам. В какой-то момент девушка споткнулась и потеряла туфлю. Она быстро нагнулась, подхватила ее, сняла вторую и босиком рванула за угол. Парни сорвались с места и побежали за ней. Лида встревоженно вытянула шею и подумала, что, если эти бандиты ее догонят, девушке несдобровать. Она на всякий случай поискала глазами милиционера, но, когда они нужны – Лида это знала твердо из собственного опыта, – их никогда не бывает на месте.

По набережной гуляли люди, и никто не обратил внимания на маленькую драматическую сценку из жизни портового города. Лида попыталась выбросить из головы нехорошие предчувствия и опять принялась за мороженое. Все-таки белый день, вокруг полно народу, не посмеют бандиты сделать что-то плохое несчастной Гале. Лида совсем успокоилась, а вскоре и думать забыла о девушке и ее преследователях. Потому как к столику подошел веселый улыбающийся парень в морской форме и спросил, можно ли пришвартоваться рядом. Все места за соседними столиками были уже заняты. Лида и обрадовалась и смутилась одновременно, потеряв уже всякую надежду на приятное знакомство. А тут такой симпатяга с широкой улыбкой и крепкими белыми зубами. И глаза у него хорошие – добрые, серо-зеленые, а ресницы! Таких длинных и черных ресниц Лида никогда еще не видела у парней.

Впереди было еще целых полдня свободного времени, и оказалось, что новый знакомый, назвавшийся Николаем, тоже был свободен. Они болтали о всякой всячине, съели еще по две порции мороженого. Коля рассказывал, в каких странах побывал, и Лида слушала его как зачарованная. Названия мелькали, как в цветном калейдоскопе – Куба, Индия, Мадагаскар... Названия некоторых стран она и слыхом не слыхивала и слушала о них, едва не раскрыв рот от удивления. А потом Николаша повел ее в кинотеатр и там, в темном зале, едва вникая в сюжет американского боевика, они целовались, как ненормальные. Лида совсем потеряла голову, потому что не представляла, что поцелуи могут быть такими сладкими. Конечно, у нее были мальчики – даже в восьмом классе она целовалась с одноклассником Петькой. Но ей не понравилось. Он ее всю облюбовывал, а когда еще и укусил за губу, она возмутилась, оттолкнула его и обозвала дураком. Тогда же они и поссорились. И потом были у нее деревенские ухажеры, но все грубые, неотесанные, лапали, всякую чушь несли... И целоваться совсем не умели. Ей даже неприятно было. Если бы она носила с собой носовые платки, непременно вытирала бы губы после этих чужих слюней.

А сейчас сердце колотилось, голова кружилась, и то, что его рука нежно гладила ее по спине, а потом осторожно перебралась к груди, не вызывало у нее никакого протеста. И когда в зале зажегся свет, кроме Николаши она уже никого не видела. На улице все еще сияло солнце,

день был восхитительный, и Лида поняла, что влюбилась. Она только успела удивиться, что все произошло так быстро. О любви с первого взгляда она, конечно, слышала, но считала, что это враки, сильное преувеличение. Еще три часа назад Лида о существовании Николаши даже не подозревала, а теперь в душе ее возникло непривычное чувство – теплое, нежное, вибрирующее, слегка щекочущее, и Лида поняла, что это и есть любовь. Николаша куда-то вел ее, обняв за талию, и Лида гордилась, что ничем теперь не отличается от девушек, которые идут в обнимку со своими парнями. А когда он купил ей по дороге букет цветов, она даже покраснела от счастья. Будет теперь чем похвастаться перед подружками. Они со своих свиданий цветы никогда не приносили. Только шушукались между собой и многозначительно хихикали.

– Давай с тобой сфотографируемся, – несмело предложила она Николаше. Ей хотелось предъявить подружкам вещественное доказательство своего успеха. Пускай тоже ей позавидуют, потому что Николаша лучше всех их поклонников, вместе взятых.

И они тут же, на улице, подошли к фотографу, и он снял их на фоне качающихся на рейде кораблей. Поделили фотографии, и Николаша жарко прошептал ей на ухо:

– Ты мне так нравишься! Ты такая классная девчонка...

Он смотрел ей в глаза, и она поняла, что готова на все, только бы опять оказаться в его объятиях, но не на глазах у всего честного народа, а где-нибудь в укромном местечке.

У Лиды из головы напроць выскочили строгие предостережения родителей. Она даже не задумалась, что знакома с парнем всего несколько часов. Он ее так очаровал, что казалось, они знакомы всю жизнь. И не о нем ли она мечтала, вырвавшись из-под родительского крыла?! Будь что будет! – промелькнула отчаянная мысль, и она подчинилась его нежным и одновременно напористым объятиям. Он уверенно вел ее по набережной, затем завернул в переулок. Лида только на мгновение смутилась, когда дядька за стойкой гостиницы окинул их понимающим взглядом. Николаша, получая ключи от номера, уже нетерпеливо гладил ее по спине, и рука его скользнула ниже. Незнакомое волнение охватило Лиду, в коленях почему-то появилась слабость, и она прижалась к нему потеснее.

2

В девять сорок пять Анна припарковала машину у небольшого магазинчика и забежала купить парочку йогуртов. Сегодня расписание ее дня было настолько плотным, что на обед не оставалось времени. Знакомая продавщица приветливо улыбнулась, выставляя йогурты на прилавок, и привычно проинформировала:

– Свежие, только поступили.

Анна расплатилась и только направилась к двери, как резкая боль пронзила поясницу.

– Ой! – вскрикнула Анна и замерла на месте, боясь пошевелиться. «Сейчас пройдет...» – подумала она. Но боль не исчезла, наоборот, она усилилась, да так, что у Анны из глаз брызнули слезы.

– Что с вами? – выскочила из-за прилавка продавщица, не обращая внимания на покупателей.

– Не знаю, – едва выговорила Анна, скрючившись, потому что так, казалось, легче перенести эту острую нестерпимую боль.

Покупатели – две женщины и мужчина – тоже подошли к Анне и с участием стали спрашивать, где болит.

– «Скорую» надо, – тут же решил мужчина. – Меня так же год назад прихватило в магазине, оказалось – почка. Камень пошел. Думал, умру на месте.

Охранник вызвал неотложку, продавщица усадила Анну на стул, не зная, что делать – то ли обслуживать покупателей, то ли стоять возле Анны. А та корчилась от боли, ужасаясь, что нет конца этим мучениям.

«Скорая» приехала довольно быстро. Врач определил, что у Анны почечная колика, ее погрузили в машину и повезли в больницу.

В приемной ей первым делом сделали укол, и боль отступила. Потом все куда-то подевались, и Анна осталась сидеть в маленькой комнатке на топчане, застеленном довольно мерзкой синей клеенкой. Врач все не шел, и Анна позвонила на работу. Небось все голову ломают, куда она подевалась. Уже час как должна была сидеть на совещании. Секретарь Тамара поудивлялась, поужасалась, проявила искреннее сочувствие и велела поскорее выздоравливать. Теперь нужно было предупредить мужа Алика, что Сеньку из садика придется сегодня забирать ему. Анна долго не могла прозвониться, наконец Алик поднял трубку.

– Ну ты даешь, – только и сказал. – Диктуй, что нужно привезти. – На удивление быстро сориентировался и не стал говорить лишних слов.

Список вышел довольно длинный, но хоть не скучно было ждать врача. Новый приступ боли заставил ее взвыть, и слезы опять сами собой полились из глаз. В таком состоянии ее и застала врач – молодая девушка небольшого роста, крепенькая, очень уверенная в себе, будто у нее многолетний опыт. Тем не менее Анна немного успокоилась, хотя в спине творилось что-то запредельное, – казалось, что ее рвет на части. Второй укол опять ненадолго притупил боль, и за это короткое время ее оформили и велели идти в палату. Анна пошла по коридору, за ней увязалась женщина средних лет, которую привезли вслед за ней. Та тоже едва передвигала ноги, скрюченная, с вытаращенными глазами, страдала, как поняла Анна. Женщина ничего не сообщала и плелась за Анной, как хвостик, по коридорам, закоулкам, переходам, вместе зашли в лифт, несколько раз она принималась тихо выть. Так они и прибыли в нужную палату, где оставались две свободные койки. На остальных пяти лежали три женщины, одна старушка и молоденькая девушка, почти девочка. Кто читал, кто дремал, девушка быстро щелкала клавиатурой компьютера и только на мгновение подняла глаза, чтобы поздороваться с новенькими.

Женщина свалилась тюком на кровать и поджала колени к подбородку. Анна воспользовалась передышкой и опять позвонила на работу. На десять утра она назначила совещание и

хотела узнать, как оно прошло. На двенадцать у нее была запланирована встреча с партнерами. В три часа дня ее ждали в мэрии. И далее по списку.

Иван Григорьевич, заместитель, сначала заохал, узнав, что она в больнице, и ей же пришлось его успокаивать. Потом, как всегда, толково отчитался, выслушал последние наставления Анны перед встречей с партнерами и только решил поинтересоваться, надолго ли она вышла из строя, услышал ее разом ослабевший голос:

– Все, накатывает, перезвоню...

Анна опять почувствовала нестерпимую боль, но теперь она ее переносила стойко, потому что знала – всему бывает конец. Три приступа уже успели научить ее, что бывает передышка. Анна вообще была легко обучаемым человеком. Но стон сдержать не смогла, и девушка с компьютером, взглянув на нее, соскочила с кровати и побежала за медсестрой. Тем временем активизировалась и женщина-хвостик, она уже стонала довольно громко, так что медсестра вкатила им по уколу.

С работы позвонили, и Анна долго объясняла Тамаре, кому передоверить встречи, запланированные на завтра. Потом позвонила бухгалтер Катя, и пришлось вместе с ней считать коэффициент премиальных. Буквально на днях приняли новое решение, и, поскольку приказ Анна собиралась подписать сегодня, Катя еще не знала схемы расчета. Иван Григорьевич был занят, а ведомость на премиальные должна быть готова сегодня до обеда.

Только успела продиктовать, дублируя расчеты в своем ежедневнике, накатыл новый приступ. Анна стеснялась стонать и поэтому замычала, уткнувшись лицом в подушку. Сердобольная девушка опять бросилась за медсестрой, та пришла недовольная.

– Вы что, хотите укол каждые полчаса? Не полагается.

– Что вам, жалко? – чужим от боли голосом возмутилась Анна.

– Здоровья вашего жалко, – строго ответила медсестра и ушла.

– Что за больница такая?! – заплакала Анна, пытаясь взять себя в руки.

– Больница номер двадцать три, – подсказала соседка справа. Ее румяное свежее лицо никак не вязалось с больничной обстановкой. На тумбочке рядом с ее кроватью лежала горка мандаринов. Над ними возвышалась связка бананов, коробки с соком, в пакете что-то кондитерское. Прямо натюрморт на фоне больничных коек. Хозяйка всего этого пиршества возлежала на кровати в ярком нарядном халате и жевала беспрерывно. Видать, пошла на поправку и теперь набиралась сил.

Боль отступила, и Анна решила расслабиться. Она стала мысленно представлять, что лежит на берегу океана, слышит крики чаек, шум прибоя... Зазвонил мобильный, и Анна вздрогнула. Погружение в nirvanу было безжалостно прервано. Не одна она оказалась в этой палате такой деловой. Девушка за компьютером стала что-то диктовать по телефону, сверяясь с текстом на экране, переговоры затянулись, но Анна решила, что нужно привыкать к новой среде обитания, где все решают служебные дела. Это не отдельный кабинет на работе, где она была полновластной хозяйкой. Начали звонить мобильные у цветущей соседки, потом у старушки возле стены и у дамы справа. Они дружно обсуждали с родственниками домашнее меню на сегодня и завтра. Женщина-хвостик по-прежнему лежала скрюченная, и ее лицо приобрело землистый оттенок. «Хоть бы не померла...» – испуганно подумала Анна и с трудом встала с кровати, ухватившись за бок. Подошла, прислушалась.

– Не волнуйтесь, – сказала бабушка, наворачивая булку. – Я за ней смотрю. Уснула, бедняжка.

Телефоны звонили, как в офисе, и Анна подумала, что всеобщая мобильная связь, конечно, замечательно, но, когда звонки раздаются чуть ли не каждые двадцать минут, поболеть спокойно не дадут.

Наконец пришла лечащий доктор, та самая крепенькая и уверенная, и отправила Анну и ее коллегу по несчастью на ультразвук. Тут же скороговоркой сообщила, какие кабинеты

и процедуры предстоит пройти после обеда и завтра. Анна только кивала, сразу включаясь в новую для себя деловую обстановку больницы. Женщина стояла рядом и никак не реагировала. Похоже, она была не в состоянии напрячь мозги. Глаза у нее совсем потухли, и она только шевелила губами, обхватив себя руками.

– Сделайте ей укол, – попросила Анна. – А то она уже совсем в отключке.

– Сделаем, – пообещала врач и с важным видом вышла из палаты.

Действительно, сразу пришла медсестра и сделала укол. Женщина слегка порозовела, оживилась, и они в паре, как шерочка с машерочкой, поплелись на ультразвук. Возле кабинета сидели хворые – кто в халате, кто в спортивном костюме, и Анна в элегантном сером костюме и туфлях на высоких шпильках выглядела чужеродным элементом на этом убогом фоне. На нее и посматривали как на ненастоящую больную – с подозрением и женской завистью. Пока дожидались своей очереди, у женщины-хвостика позвонил мобильный. Как ни странно, она отвечала по телефону разумно и отчетливо. В нужный момент умеет собраться, подумала Анна. А может, ей действительно полегчало. Негромко наставляя какого-то Сережу, вернувшаяся к жизни больная сыпала юридической терминологией.

В обед принесли гороховый суп и манную кашу серого цвета с мокрой котлетой. К еде почти никто не притронулся, ели свое, доставая из общего холодильника и тумбочек. Анна суп съела, на кашу и котлету посмотрела с омерзением. Что ж за больница такая?

Когда вечером наконец приехал муж Алик, Анна после серии приступов лежала трупом, свесив руку с кровати.

– Что, так плохо? – посочувствовал он и нежно взял ее за руку.

– Подышаю... – простонала она. – Камень никак не выйдет, сволочь, сил уже никаких нет терпеть... Что привез?

– Зубную щетку, – с виноватым видом сунул в карман руку Алик.

– Обалдел? – От обиды Анна забыла о своей хвори и резво вскочила на кровати. – Я что, в деловом костюме буду спать? И так весь день на шпильках мучаюсь.

– А ты лежи побольше, – посоветовал мудрый муж.

– А в туалет? На стук моих каблучков все мужики выползают из своих палат. Почему не привез ничего? – строго спросила она растерявшегося мужа. Он не ожидал такого натиска от только что умиравшей жены.

– Ты знаешь, – промямлил Алик, – я пакет с твоими вещами приготовил, а потом нужно было бежать за Сенькой в садик. Я спешил, сегодня Александра Андреевна у них. А ты сама знаешь – чуть опоздаешь, орать будет... И забыл пакет в прихожей. Давай я сейчас тебе свою рубашку отдам, вместо халата, и футболку: на ночь переоденешься.

Он с готовностью стал раздеваться на глазах у удивленных женщин. Хорошо хоть в свитере приехал. Надел его потом на голое тело.

– Завтра утром привезу, честное слово, – пообещал он. Анна только покачала головой. Хороший мужик Алик, только без хозяйки в доме всегда теряется. Зато при ней сразу сообразил, чем можно помочь несчастной жене, последнюю рубашку с себя снял.

А муж уже наклонился к ней и тихо, почти шепотом, заговорил.

– Ань, на тебя компромат-таки всплыл. Десятилетней давности... Ну про то соревнование. То слухи кто-то распускал, а теперь конкретно удар под дых. Мне звонил Поповкин, предупредил. Но сказал, что они все равно все за тебя. Срочно нужно найти профессионала, который возьмется за твое дело. Все же знают, что ты не виновата. Но у того, кто под тебя копает, есть козырь – твоя судимость.

– Черт, черт! – тихо выругалась Анна. – Десять лет прошло, я уже думала, все забыто, травой поросло. Так нет, в такой ответственный момент опять все сначала...

– Ты не нервничай, – погладил Алик ее по голове. – Если бы я не нашел выход, не стал бы тебе говорить. Все-таки ты больная... – пожалел он ее. – Но выход всегда есть, как говорят бывалые люди.

– Ну и какой?

– Есть профессионал. Мне о нем Поповкин сообщил. Из Новороссийска вернулся его сват, он главный прокурор нашей прокуратуры. От него и информация. Помнишь, в Новороссийске совсем недавно авария на электростанции была? Это дело расследовал московский «важняк» Турецкий, он как раз там гостил у родственников.

– Подожди, – остановила его Анна. – Турецкий... Я же слышала о нем! Еще тогда... десять лет назад, ну, когда...

– Можешь не продолжать, я понял.

– Это такой человек! Неужели правда он в наших краях?

– Ну, не совсем рядом, но в пределах доступности. Так вот, этот москвич быстро раскрыл дело, там был замешан один олигарх из Москвы. И Турецкий его под суд отдал!

– Ну и?.. Ты хочешь сказать, что Турецкий возьмется за мое дело?

– Если ты постарайся... Ты же умеешь убеждать!

– Дорогой, я сейчас в больнице! – с досадой напомнила ему Анна. – И неизвестно, как дело обернется. Может, я надолго застряла... Лучше бы ты поехал, как мужчина.

– А вот здесь ты ошибаешься, моя умная и прозорливая жена. Во-первых, я не обладаю тем даром убеждения, которым в совершенстве владеешь ты...

– Подлиза...

– Во-вторых, – продолжал муж, – следователю лучше информацию получить из первых рук. А в третьих, и это главное, – он должен тебя видеть. Я не помню, чтобы кто-то мог тебе отказать...

– Кроме того случая, когда на меня навесили убийство. Почему-то тогда следователя убедить в своей невинности я не сумела.

– Тогда так легли карты... Сейчас ситуация иная. Тебе ничего не грозит. В худшем случае, не получишь кресло руководителя корпорации. Впрочем, я не настаиваю...

– Ты что?! Я столько сделала для этого! Поеду! – решительно сказала Анна. – Вот рожу этот проклятый камень и поеду.

– Тебе бы ночь продержаться, да день... – попытался пошутить Алик, но, увидев, как лицо Анны перекошило от боли, начался новый приступ, прижал ее к себе.

– Уйди, ради бога, – простонала Анна. – Меня тошнит. Не хватало еще, чтобы я тебя облевала...

Алик сбегал в санитарную комнату и притащил ей тазик. Жена была в плачевном состоянии, и он не знал, чем ей еще можно помочь.

– Иди домой, там Сенька один, – плачущим голосом попросила Анна. – Да, вот ключи от моей машины, она стоит у магазина «Парус».

– Черт с ней, пусть стоит, никуда не денется. Там охранник все время у двери стоит, заодно присмотрит. Все равно я сейчас на своей тачке, а ты потом сама забереешь.

Алик ушел, и Анна свесилась над тазом, борясь одновременно со спазмами и новым приступом боли. Соседки по палате деликатно отвернулись, девушка за компьютером надела наушники и смотрела какой-то фильм. Наверное, смешной, потому что она то хихикала, то подпевала какую-то незнакомую Анне мелодию. Ночь прошла в мучениях, Анне казалось, что из нее вынули душу. «За что? За что?» – иногда мелькала мысль, и хотелось только одного, – чтобы поскорее закончились эти мучения. А главное, чтобы наступило утро. Все худшее всегда происходит по ночам... Остальные соседки сопели на своих кроватях и было совершенно непонятно, что они тут делают. По виду здоровые бабы, кроме той, которая, судя по всему, юрист. Но и она спала так сладко, что Анна ей позавидовала. К утру боль наконец стихла, и

Анна отключилась на несколько часов. Она спала бы и дольше, но в больнице жизнь начинается рано. Пришла медсестра с градусниками, потом с баночками и велела идти сдавать анализы. Анна быстро управилась с делами и опять легла поспать.

Не прошло и часа, как Анну разбудили бодрые, веселые голоса. Прибыла с обходом давешняя молодая доктор с целой свитой. Но Анна поняла, что эта молодка в данном случае входит в свиту пожилого доктора с добрыми глазами. Тот неторопливо прощупывал животы у больных, стучал костяшками пальцев по своей ладони, возложенной на их поясицы. Палатная звонким пионерским голосом докладывала о состоянии здоровья каждой женщины. Наконец свита приблизилась к Анне, и добрый доктор присел у нее в ногах.

– Больная Гущина поступила вчера с острым приступом почечной колики, – тут же весело и даже жизнерадостно доложила Ирина Олеговна, так обращались к ней все больные.

– Ну, и как вы себя чувствуете? – спросил доктор и попросил повернуться к нему спиной. Постучал, Анна с удивлением поняла, что боль прошла.

– Замечательно, – сказала она с некоторым сомнением.

Веселый дядька в белом халате, который стоял напротив нее, громко засмеялся.

– Замечательно! Вот так бы все больные говорили на следующий день после приступов!

– А чего это мне так хорошо? – удивленно спросила Анна у докторов.

Дядька опять расхохотался.

– Камень вышел, вот вам и хорошо. Неужели не заметили?

– Нет... – растерянно ответила Анна.

– Так, пошли на ультразвук, – сказал дядька. – Ща посмотрим, вышел наш камешек или затаился.

Анна встала с кровати. Кружилась голова. Оказывается, не настолько ей было хорошо, как казалось. Дядька смотрел на нее чисто с мужским интересом, она это сразу поняла. И не могла взять в толк, чем тут можно любоваться. Из зеркала на нее смотрело исхудавшее лицо желтоватого оттенка с синими кругами под глазами.

– Сейчас переоденусь и приду, – сказала Анна, радуясь, что Алик почти двухметрового роста и его сорочка ей до колена.

– Ну, жду! – игриво сказал доктор и вышел, оглядываясь и бросая многообещающие взгляды.

«Да... Красоту не скроешь...» – иронично подумала про себя Анна. Утренний обход закончился, врачи важно пошли в следующую палату, а Анна опять переделалась в деловой костюм. Вид у нее был просто шикарный. Даже неловко как-то в таком виде разгуливать по затрюханным коридорам запущенной больницы. Женщины придирчиво осмотрели ее, и девушка за компьютером сказала:

– Класс! А туфли просто супер!

Все дружно свесили головы с кровати, оценить ее туфли. Будто вчера не видели...

Когда Анна заявила в кабинет на ультразвук, врач не смог сдержать восхищения.

– Да! Таких больных у нас еще не бывало!

– Вчера я не дошла на совет директоров... – объяснила Анна. – Прямо по дороге прихватило.

– Ну, ложитесь, красавица, животик свой откройте. Сейчас повозим по нему такой штучкой, и она нам на экране отразит тот гадкий камешек, который вас так мучил.

Через десять минут доктор порадовал Анну, что камешка-то и нет. Был и сплыл. «Ни фиги себе! – подумала Анна. – Куда же он подевался? Что ж я ничего не почувствовала? Совсем плохая была...»

В палате все опять жевали, но каждый свое, домашнее, хотя две шумные тетки в белых халатах принесли в огромном бачке геркулесовую кашу. Тоже серого цвета, как и давешняя манная. Но Анна ее съела в один присест. Изголодалась. В коридоре одна тетка с половником

громко вопрошала у другой: «И как они едят эту гадость? У меня даже собака не хочет эту дрянь жрать». Вторая захохотала, и эхо от ее хохота пронеслось по всему коридору. «Да, такие не дадут умереть!» – подумала Анна и вымазала остатки каши корочкой хлеба. Потом примчался Алик с двумя большими спортивными сумками. Бросил их в проходе у ее кровати и вдвоем они побежали искать Ирину Олеговну. Та пробовала было урезонить слишком активную больную.

– Ну, подождите хоть до завтра. Понаблюдаем вас. Бывает, камешек спрячется, его не видно. А потом бац – и тут как тут.

– При всем уважении к вам, Ирина Олеговна, типун вам на язык! – не сдержалась Анна. – У меня срочные дела.

– А выписка из истории болезни? Она только завтра будет готова.

– Да бог с ней. Зачем она мне сдалась? Я и так знаю, что у меня было. А на работе это никого не интересует. Я сама себе начальница.

– Ну, тогда счастливо, – отпустила ее доктор. – Но за выпиской все-таки приезжайте. Мало ли – пригодится.

Алик подхватил обе сумки и потащил к лифту. По коридору прогуливался доктор из кабинета ультразвука и с удивлением вытаращился на Анну.

– А-а, вот почему вы так вырядились! Вы еще с утра задумали бежать! – пошутил он, жадно разглядывая ее фигуру. К этому времени Анна уже успела наложить макияж на лицо, и он явно ею залюбовался.

– Спасибо за все, – сказала Анна и нырнула за Аликом в лифт.

Алик нажал кнопку, дверцы закрылись. Он бросил сумки под ноги и обнял Анну.

– Я же говорю – кто может устоять перед тобой? Даже перед больной. Уже и доктора успела склеить!

– А я не виновата. Он сам мой живот смотрел.

– Надеюсь, ты юбку не снимала перед ним?

– Нет, только кофточку немного приподняла.

– Ну тогда ладно. Главных наших прелестей он не видел!

Алик по-свойски положил ей руки на груди.

– До дома потерпи, – урезонила мужа Анна.

– Какой дом? Сейчас отвезу тебя с сумками к твоей машине, сам на работу, у нас сегодня встреча с австрийцами.

– А я тоже на работу. Закажу билеты по телефону на завтра. Пусть курьер привезет в офис. В Новороссийск на поезде поеду.

– Анечка, а не рано ли? Вдруг опять прихватит?

– Куплю обезболивающее. Килограмм. Уж если что и заболит, приму – сколько захочу. А то в этой ужасной больнице медсестры такие жмоты – лекарства жалеют.

Сотрудники сгрудились вокруг Анны, сначала выражая свое сочувствие, а потом осыпая ее комплиментами. Еще бы, сколько она на себя сегодня косметики истратила – это уму непо постижимо. Но нельзя выглядеть слабой тогда, когда все привыкли считать ее сильной волевой женщиной, которая является самой достойной кандидатурой, чтобы возглавить корпорацию.

Анна прошла в свой кабинет и сразу включилась в дела. Повалил народ – с докладами, предложениями, отчетами. Все как всегда – обыкновенная сумасшедшая жизнь современной деловой женщины.

Потом зашла Тамара, доложить, что билет заказан на завтра в мягком вагоне. Вскоре приехал курьер и привез билет. Круговерть была до самого вечера, но в обеденный перерыв Анна на все наплевала и спустилась в соседний ресторан. За сутки голодного существования в больнице она наверняка потеряла килограмма два-три. Не то чтобы их нужно было срочно

наверстывать. Элементарно хотелось хорошей еды из хорошего ресторана, уж это она могла себе позволить.

Вечером Алик вернулся домой раньше обычного и сразу заговорщицки подмигнул жене.

– Сенька, нам не мешать! – строго сказал он сыну и увлек Анну в кухню.

– Всплыло имя твоего конкурента. Я по своим каналам прощупал – некто Лесной Дмитрий Сергеевич.

– Кто такой? – удивилась Анна. – Впервые слышу.

– Ань, не удивляйся, он подставное лицо. Владелец двадцати одного процента наших акций. А это уже серьезная угроза. У нас за спиной кто-то постепенно скупал акции. Но поскольку этот тип нигде не фигурирует – наша служба безопасности проверяла, – стало ясно, что кто-то прикрывается его именем. Это все, что мне удалось за сегодня узнать.

– Ты золото! Ты умница! – обняла его Анна.

– Я Поповкину слил информацию, он сейчас у Ивана Григорьевича. Тебе велели немедленно ложиться спать, чтобы к утру была как огурчик. Тебе еще на поезде чуть не день ехать. Кстати, как сейчас себя чувствуешь?

– Слава богу, хорошо.

– Вот и замечательно. В душ – и в койку, деловая моя!

Алик сам стал разогревать ужин и, когда Анна вышла из ванной, уложил ее в постель и принес тарелку с тушеной цветной капустой. Наверное, в морозилке нарыл. Но не до жиру, хорошо хоть с этим скромным ужином справился. Сенька уже лежал в своей кровати и громким голосом пожелал всем спокойной ночи. Анна добросовестно съела капусту, поставила тарелку на пол и провалилась в глубокий сон.

Утром Алик подвез ее к вокзалу и посадил на поезд.

– Держи хвост пистолетом! – крикнул ей на прощание и очень трогательно помахал платочком.

3

Во сне болела голова. Казалось, кто-то стучал тяжелым молотом по наковальне прямо над ухом. Хотелось крикнуть: «Отвали, сволочь! Что же ты молотишь по голове?!» Но почему-то не было сил разлепить заклеенный рот. А почему заклеенный? Что за скотина залепила его рот скотчем? Турецкий не мог понять. И голова прямо разрывалась от боли. Он собрал все силы, но их оказалось ровно столько, чтобы открыть только один глаз.

Странно... Он лежал на топчане совершенно один. Никаких тебе кузнецов, ни молота, ни наковальни. Хотя жара, как в кузнице. Во всяком случае, все тело в испарине. Обстановка в комнате знакомая. Можно даже сказать, привычная. Со вчерашнего... или позавчерашнего дня ничего не изменилось. Опрятная теткина комната, цветастые знакомые занавески. Собравшись с силами, он открыл второй глаз. Солнце било нестерпимо яркими лучами в окно. Это сколько же времени? Турецкий с трудом поднял свое тяжелое и словно чужое тело и уселся на топчан. Голова перевесила и стала его тянуть куда-то в сторону, пришлось ухватиться за нее обеими руками, не то точно оторвалась бы... Знакомая не только обстановка. Знакомое и состояние. Называется тяжелое похмелье.

А на веранде сидел чей-то приبلудный кот и довольно жмурился. Коту хорошо. У него голова не болела. Он уютненько устроился на прогретом солнцем полу и ловит кошачий кайф. Почему же Турецкий не испытывал кайфа от вчерашнего... или позавчерашнего? возлияния. Видать, знатного, раз голова, словно чугунок – не повернешь без боязни потерять равновесие...

Турецкий обиделся на кота, у которого не болела голова, и мутным взглядом уставился на настенные часы. Висят, тикают... Довольно громко. За что такие страдания? Это они своим грохотом разбудили его! Снять немедленно и выбросить на веранду! Но для этого нужно встать. Опять же – приложить усилия. Хрен с ними, пускай висят. От них хотя бы польза. Так, который час? – напрягся Турецкий и сумел сфокусировать свой взгляд на циферблате. Пять часов. Скорее дня, чем утра. Поскольку слишком много солнца.

Встать все-таки придется. Мало ли что произошло за это неопределенное время? И все мимо!

Турецкий осторожно встал, подошел к окну и облокотился обеими руками о подоконник, потому что закружилась голова. Что-то совсем хреново... Раньше голова у него была покрепче. Как ни крути, а возраст берет свое. Когда размениваешь полтинник, почему-то молодецкая удаля идет на убыль... – горестно подумал он. Взгляд его упал на компас, который сиротливо лежал на подоконнике. Нужная вещь, – мелькнула мысль. Наверное, Вася оставил. Вот что подскажет, какое время суток показывают часы. Надо повернуть его стрелочкой сюда... Север там... Запад там... Солнце на западе... Турецкого наконец озарило. Семнадцать часов ноль пять минут! Дело идет к вечеру. Уф, даже устал. Но хорош, хорош, котелок еще варит, с временем определился. Да, а число? Число-то какое? В этом доме есть календарь? Хотя какой от него толк, если он не помнил – вчера или позавчера он так нализался?

Надо бы прошвырнуться по дому, поглядеть, может, есть живой человек какой... Хотя тихо. Слишком тихо в доме. Ни единой души. Кликнуть нужно народ, пускай отзовется живая душа.

– Тетя Валя! Ира! Ирочка! Где вы, люди?

И голос чужой, как будто им уже давно не пользовались. Хриплый, противный... А ведь узнаваемый. Мой голос, осенило Турецкого, и он решительно отправился в соседнюю комнату, куда повели его ноги.

Ноги вели к серванту. Что ждет нас в этом волшебном шкафчике? – тихо пробормотал под нос Турецкий и открыл дверцу. Бутылочки стояли красивые, фужеры хрустальные. Добрые люди позаботились о страждущей душе. Даже не верится.

Какое разочарование! Не зря не верилось. Бутылочки-то пустые... Все абсолютно. И зачем тогда их хранить, только душу травить? Зато записка прилеплена к дверце. Почерк знакомый, Ирочка писала. Ну-ка, ну-ка, что там любимая жена насочиняла? Вот те на! И тут разочарование!

«Турецкий, хватит пить! Я тебя очень люблю, но это уже невозможно. Мы с Васей приняли решение и уезжаем домой. Передай Антону, что он показывает плохой пример сыну. Ирина».

Какая строгая и нетерпимая у него жена! Турецкий в отчаянии обхватил голову руками и тихонько взвыл. Уехала... Бросила его одного, а ведь он страдает! Да, а почему одного? Тут ясно написано, что нужно передать Антону какие-то слова...

– Плетнев! – заорал Турецкий и прислушался к своему голосу. Вроде бы прорезался уже свой, по-настоящему родной голос. – Плетнев!

Нет ответа. Тихо в доме. И Плетнев куда-то подевался. Кстати, а вроде бы что-то неприятное было связано с Плетневым. И с неожиданным отъездом Ирки. Как-то все было очень неприятно взаимосвязано. Какой-то очередной клубок противоречий и обид... И, наверное, обида была столь велика, что Ирка даже не стала прощаться, а просто смылась. Прихватив с собой чужого сына Васю.

Между прочим, в самый раз и ему самому обидеться на жену. Как так, безо всяких вразумительных объяснений бросить мужа, а законного отца Плетнева лишить его собственного сына Васи? Наверное, причина более серьезная, чем пьянство Турецкого. Он всю жизнь пьет: по праздникам и когда нужно расслабиться. В жизни столько огорчений. Надо же как-то снимать стрессы. Ирка по магазинам шляется, объясняя, что, транжиря деньги на всякую дребедень, активизирует гормон радости, серотонин. Надо же, какая хитрая, даже научный термин подобрала, оправдывая свою пагубную для семейного бюджета страсть! А Турецкий позволяет себе совсем немного, и то его критикуют как злостного алкоголика. Но между тем он и работает как вол. Даже на чужой стороне, хотя никаких обязательств не брал улучшать криминальную обстановку края...

Турецкий неверными шагами направился во двор к рукомойнику. Сейчас в самый раз вылить на себя ведро воды. Действует безотказно. Сразу мозги прочищаются.

Действительно помогло. Во всяком случае, настолько, что Турецкий вспомнил о мобильном телефоне, и логическая цепь его размышлений привела к тому, что таким образом можно отыскать Плетнева. Если только тот свой не выключил. Но вот какая пакость – Антон телефон отключил-таки. Гуляет где-то и не подозревает, какой беспощадной критике подвергла его Ирина в своем прощальном послании. Счастливчик...

Турецкий причесался и собрался уже заходить в дом, как калитка открылась и во двор решительно зашла женщина. Не покричала с улицы, как полагается чужим людям, можно ли зайти, не поинтересовалась, есть ли хозяева? Не погремела шеколдой на крайний случай. Просто бесшумно отворила калитку и появилась, как дива из волшебных сновидений. И вид у нее был такой, что Турецкий разве что не открыл рот. Во всяком случае, глаза вытарашил. Женщина была чудо как хороша. Чуть-чуть уставшая, но это было ей даже к лицу, придавало некий оттенок томности.

– Здравствуйте, – лучезарно улыбнулась она ему, и Турецкому захотелось прикрыть глаза от этой ослепительной улыбки. – Я ищу Александра Борисовича Турецкого и, надеюсь, уже нашла.

Она первая протянула ему руку, и он пожал ее, почувствовав крепкую, но одновременно холеную ладонь. Как-то до сих пор ему не приходилось думать о женской ладони, что она может быть холеной. Руки – другое дело. Его Ирина тоже за руками следила, все-таки бывший музыкант. Делала домашний пилинг, мазала кремом и после таких процедур по вечерам посуду

уже не мыла. Доверяла Турецкому. Так и говорила: «Я тебе доверила помыть посуду. А ты опять не помыл...» Стыдила его.

Кожа на ладони этой женщины была такой гладкой и нежной, что он немного смутился. Будто невзначай разгадал чужую тайну. На красивом загорелом лице сияли мягким светом карие глаза, и у них был необыкновенный оттенок, это уже совершенно потрясло Турецкого. Он вспомнил, что небрит. Слава богу, хоть успел расчесать влажные волосы. Но рожа, наверное, помятая, а так хотелось соответствовать этой прекрасной даме!

– Чем могу служить? – тем не менее как истинный джентльмен спросил он и даже попытался шаркнуть босой ногой в разношенных сланцах.

– Меня зовут Анна Владимировна Гуцина, – представилась дама. – Я к вам приехала из Ставрополя.

– Неблизкий путь, – удивился Турецкий.

– А уж какими путями я на вас вышла – это отдельная история, – опять улыбнулась чаровница. И Турецкий поверил, что такая женщина может горы свернуть, если ей что-то нужно. А уж из Ставрополя в Новороссийск прикатить для нее плевое дело. Даже если предстоит встреча с чужим небритым мужиком, но почему-то ей необходимым.

Взгляд ее чудных глаз тем временем стал тверже, она внимательно изучала его, и Турецкий сильно сомневался, что в таком виде сможет произвести на даму благоприятное впечатление.

«Пьет, – констатировала Анна, – но не безнадобен. Как раз после бодуна. Надо его расшевелить, а то половину пропустит».

– Извините, ради бога, я не успел побриться, – на всякий случай стал оправдываться московский суперследователь. – Отпуск, знаете ли, расхолаживает. Хочется отмахнуться от некоторых опостылевших обязанностей.

– Пусть вас это не волнует, – прощebetала новая знакомая. – Когда я в отпуске, если не нужно выглядеть, тоже допускаю вольности – не пользуюсь косметикой. Иногда напиваюсь...

Турецкий ошарашенно взглянул на нее, но увидев в ее глазах веселые искорки, рассмеялся.

– Шутить изволите... – только и нашел что ответить.

Обменявшись такими интимными подробностями личной жизни, Турецкий почувствовал себя увереннее, да и дама тоже уже смотрела на него мягко и даже просительно.

– Так что вас привело в наши пенаты? – обвел широким жестом небольшой дворик Турецкий.

– Я бы хотела поговорить в доме, если это вас не затруднит, – довольно уверенно заявила гостя. – Поскольку разговор серьезный. Да и устала я с дороги...

Турецкий решил, что его это нисколько не затруднит. Наоборот, он сможет предложить утомленной путешественнице чай с пирожками, которые уже заметил на кухне у тетки. И когда успела испечь эта вечная труженица?

Пили горячий чай и с аппетитом ели вкусные пирожки в столовой. Такую гостью даже подумать было нельзя приглашать в кухню. Дама почти сразу приступила к рассказу.

– Я бывшая спортсменка, занималась профессионально пулевой стрельбой.

– О-о! – удивился Турецкий и с уважением посмотрел на собеседницу. Вот почему у нее такой легкий прищур и внимательный взгляд. То-то он чувствовал себя как под прищелом, когда она изучала его у калитки...

– Но это было давно. В другой жизни. Сейчас я вполне успешный предприниматель, скажем так.

– А на самом деле? – уточнил Турецкий.

– Если хотите, коммерсант, так будет точнее. Одним словом, у меня вполне успешный бизнес.

– Значит, вы бизнесвумен... – определил Турецкий, который во всем любил точность.

– Да... – улыбнулась своей замечательной улыбкой дама. – И у меня отличные перспективы. Поскольку в этом деле я приобрела достаточный опыт и репутация у меня безупречная... – Тут дама сделала небольшую паузу. – Имею в виду репутацию в бизнесе, мои коллеги прочтат мне кресло руководителя корпорации. Но есть одна проблема...

Они уже допили чай и пересели на диван. Турецкий сел вполоборота, чтобы удобнее было смотреть на гостью.

– И какая же проблема? Думаю, она и привела вас ко мне?.. – предположил Турецкий и не ошибся.

– Проблема у меня возникла как раз в те времена, когда спорт был моей профессией. Видите ли, в свое время я добилась неплохих результатов. Говорят, даже отличных. Но как-то нескромно себя восхвалять.

– Но тем не менее знатоки, очевидно, правы...

– Да, я была чемпионкой страны, и даже многократной. Выступала на первенстве Европы, у меня целая коллекция призов. Но однажды произошла ужасная история. Это было десять лет назад. Я готовилась к международным соревнованиям и через месяц должна была лететь в Прагу. Но меня попросили поучаствовать в соревнованиях в Новороссийске. Я не стала отказываться, потому что собрались сильные соперники. Как всякий спортсмен, я человек азартный, люблю борьбу... Короче, нужно было стрелять по бегущей мишени. Я занимала крайнюю позицию. И моя пуля попала в человека из оцепления. Так мне потом сказал следователь, когда на меня завели дело, потому что этот несчастный умер прямо на стрельбище.

– Какое несчастье... – искренне посочувствовал женщине Турецкий и в мыслях пронеслось: интересно, какой ей дали срок? А срок точно дали. Иначе она не ворошила бы эту историю спустя десять лет.

– Это не просто несчастье, это трагедия, – поправила его Анна. – Потому что я в этого человека не могла попасть ни при каких обстоятельствах. Я опытный стрелок, чемпионка страны. Вы представляете себе, чтобы профи не просто не попал в мишень, а фактически стрелял в сторону?

– Трудно представить, – согласился Турецкий.

– Тем не менее моя вина была доказана и меня осудили по статье сто девятой пункт второй.

– Причинение смерти по неосторожности... – задумчиво откомментировал Турецкий.

– Именно так. Я получила срок – три года колонии общего режима. Представляете, что это было для меня?! – почти выкрикнула Анна.

– Это ужасно... А теперь расскажите, что было на самом деле. Ведь, как я понимаю, в смерти этого человека нет вашей вины?

– Ну естественно! Все мои пули попали в мишень. Я это знаю достоверно. Проверили сразу. По числу выстрелов. Пули собрали и увезли на экспертизу. Когда именно была произведена экспертиза, я не знаю. Меня задержали прямо на стрельбище и заключили под стражу, решили применить такую меру пресечения. Как будто я особо опасный преступник... Завели уголовное дело. Хочу сразу заметить, что следователь – пренеприятнейший человек. Не потому, что в основном благодаря его стараниям я попала на скамью подсудимых, а из-за его профессиональных качеств. Понимаете, у меня сразу сложилось такое впечатление, что меня избрали козлом отпущения. То есть этот следователь Грабовенко не рассматривал никаких иных версий, только единственную – человек погиб по моей вине. И вот эксперт устанавливает: пуля, извлеченная из тела погибшего, идентична моему оружию! И это при том, что все пули, извлеченные из мишени, по количеству совпали с моими выстрелами. Откуда это взялось? Даже если допустить, что я промахнулась, почему число пуль в мишени совпало с моими выстрелами?

– Ясно... – коротко сказал Турецкий.

– Вот видите, вам сразу ясно. И мне было ясно. Где-то произошла подстава, как сейчас говорят. Я бы не стала ворошить это дело. Срок отсидела. Правда, меня выпустили на полгода раньше. За хорошее поведение. И я решила просто вычеркнуть эти годы из своей жизни. Очень трудно было прийти к такому решению. Не представляете, что я пережила в колонии...

– Представляю. По роду своей деятельности прекрасно представляю, каково находиться в колонии, тем более человеку невинному.

– Александр Борисович, вы, наверное, уже догадались, почему я здесь.

– Догадываюсь. Кстати, как вы узнали, что я в Новороссийске?

– Слухом земля полнится. Хотя я после отбывания срока в Новороссийск уже не вернулась и живу в Ставрополе, всякие примечательные события из жизни этого города до меня доходят. Есть свои люди... А впервые я услышала о вас не поверите где!

– Где же?

– В колонии. И знаете – вам дали очень лестную характеристику. Что вы человек справедливый. Что отличный следователь. В колонии много чего полезного можно услышать. А ваша фамилия запоминающаяся... Тогда я еще взяла ее на заметку. Но когда вышла на свободу и решила вычеркнуть те годы, забыть о них, чтобы возможно было жить дальше... Короче, мне это удалось. И я подумала: что толку искать правду, если я все равно уже заплатила сполна. Моя карьера спортсмена, естественно, прекратилась. Начала жить заново, с чистого листа. И знаете, у меня все получалось. Но об этом потом, если вас заинтересует. Теперь вернемся к тому, как я узнала, что вы здесь. Моя разведка, – она слегка усмехнулась, – донесла, что именно вы успешно расследовали дело об аварии на электростанции в Новороссийске. Более того, сумели доказать причастность и вину известного олигарха из Москвы в этом деле и отдать его под суд. Согласитесь, это не часто случается. Люди такого пошиба редко получают заслуженное.

– Ну, спасибо, – шутливо поклонился ей Турецкий. – Дифирамбов в свой адрес я наслушался от вас на несколько лет вперед. Но теперь хочу услышать конкретное предложение... или просьбу, как вам угодно. Почему вдруг возникла необходимость во мне сейчас, когда у вас, как вы сказали, все получается? Вы ничего больше не натворили? Что заставило вас приехать из Ставрополя?

Анна вздохнула, откинулась на спинку дивана и спросила:

– Курить здесь можно? Или лучше выйти на улицу? В колонии привыкла курить, никак не отвыкну. Одна радость: могу себе позволить хорошие сигареты.

– Лучше на воздухе. А то я здесь не хозяин, – извинился Турецкий.

– Я знаю. Тогда я выйду во дворик...

Анна легко встала, и Турецкий залюбовался ее фигурой. Высокая, стройная, с длинными сильными ногами, даже сейчас в ней угадывалась спортсменка. Сколько ей лет? Наверное, тридцать пять или тридцать семь. Интересно, делает ли она что-то для того, чтобы сохранить свою фигуру или это у нее уже навсегда, еще с юности?

В другой раз Турецкий тоже закурил бы за компанию, но сейчас не хотелось. Пока Анна стояла во дворе, нужно было переварить полученную информацию. И сделать предварительные выводы.

С первых минут разговора Турецкий понял, что неожиданная гостья его потенциальный клиент. Ну что ж, он не возражает. История Анны его заинтересовала. Есть с чем поработать и решить головоломку, которая изменила жизнь бывшей чемпионки страны. А если учесть, что Анна его заинтересовала не только как клиент, но и как яркая умная женщина, то и раздумывать нечего.

За окном мелькнула ее фигура, и Анна зашла в дом. До чего же хороша, опять залюбовался на нее Турецкий. Но тут же одернул себя. Дело прежде всего.

Анна села на диван, положила ногу на ногу и продолжила свой нелегкий рассказ.

– Я сейчас немного отвлекусь от главной темы. Просто хочется, чтобы вы поняли меня. Когда лучше понимаешь человека, легче делать выводы. Правильно я говорю?

– Вполне согласен с вами.

– Я уже сказала, что сейчас вполне довольна своей жизнью. Когда я попала на зону, первое время была в полном отчаянии. Мало того что пострадала ни за что, поняла, что к спорту возврата не будет. А чем я могла еще заниматься? Я хорошо умела только стрелять. Не идти же в киллеры или снайперы к чеченцам... Когда взяла себя в руки и смогла просто думать, а не впадать в депрессию, решила, что нужно найти себе дело. Я по природе человек коммуникативный. Обычно легко находила общий язык с людьми. И хотя на зоне не каждый рад распахнуть перед тобой душу, кое с кем сблизилась. Была у нас там одна из «сиделиц», назовем ее Тоней. Сидела за убийство. Довольно замкнутая, осторожная, никому не доверяла. Но мы с ней как-то сошлись, хотя характеры у нас разные. Я ей однажды сказала, что, когда выйду, попытаюсь найти того, из-за кого я невинно пострадала, кто убил несчастного человека из оцепления. А она мне в ответ: «А тебе это надо? Раз ты за него сидишь, значит, его кто-то прикрывал. Не по зубам тебе это дело...» Ну и разоткровенничалась, что сидит за убийство подруги. Что в девяностые, когда страна начала разваливаться, люди разом обнищали, во всем тотальный дефицит испытывался, она повадилась в Польшу ездить. У нее там родственники жили. Первый раз приехала погостить. У них тогда в стране все в порядке было, не то что у нас. И родня ее шустрила по части торговли. В советские времена это называлось спекуляцией. Да у них полстраны за счет этой торговли жила. Рынки какие-то в темноте, почему-то именно ночью торговля активизировалась. Это уже позже они и днем работали, наши туда валом валили. Ну и родственники этой Тоне говорят: «Что ты сидишь в этой нищете? Мы тебе поможем на первых порах, а там сама раскрутишься. У вас ведь в городишке есть какой-то рынок? Тебе ребенка растить, сама еще молодая, неужели так и будешь мыкаться неизвестно сколько времени?» А Тоня эта была учительницей, в каком-то маленьком городишке, где все друг друга знают. Она этим родственникам: «Да мне неудобно, меня же все знают. Придут на рынок учителя или родители моих учеников, а я тряпьем торгую». А они ей и говорят: «А мы кто? Мы сами учителя. Но что делать, если платят хреново. Выживать-то нужно». Дали ей баул с барахлом и отправили домой заниматься коммерцией. Вот она с понедельника по пятницу в школе детишек учит, а по субботам и воскресеньям торгует на рынке. Народ немного поудивлялся, но особо не возникал. Понимали, что жрать нужно и ей, и ее ребенку, и мужу, который летчиком у нее был, вот только зарплату им не выдавали месяцами. Приобщила она подругу к торговле. Кстати, первый баул довольно быстро распродали и она опять махнула к родственникам. Долг они не требовали, говорят: «Раскручивайся, потом отдашь». Следующую партию взяла, опять успешно расторговала. Подруга с ней за компанию рядом стоит, помогает. На этот раз, правда, директор школы их обеих вызвал, стыдить начал. Дескать, вы что, дорогие, обалдели? Вы честь учителя роняете. А они ему: «Мы не ворует, мы работаем. А если государство не в состоянии платить вовремя и на эти подачки не прожить, погибаться не хотим». Ну он и плюнул на моральную сторону их приработка. Тоже человек, его семья на этом рынке одевалась. В магазинах пусто, а то что есть – никаких денег не хватит купить. Так что процесс у нее, как говорится, пошел. Торгует на рынке в своем городке, где рядом с вещевыми прилавками мясом, овощами и колбасой приезжие белорусы торгуют. В Польшу ездит, присматривается, что другие берут, советуется с родными. Долг отдала, видит – нормальные деньги пошли. Год на рынке поработала, решила – хватит. Так никакого здоровья не напасешься. И в дождь стой, и в мороз, то насморк, то горло болит, то лицо обморозила, то руки-ноги не чувствует, потом дома первым делом чуть ли не в кипятке в ванну ложится. Чтобы отогреться. Говорит – никогда так не мерзла. Холод насквозь пронизывал, до самого сердца... Договаривалась с местными властями и арендовала небольшой клочок земли рядом с рынком. Довольно быстро построила магазинчик. Подруга Оля все с ней, помогает, та ей зарплату неплохую пла-

тит. А у подружки муж безработный. Вот эта Тоня и предлагает: «Давай, Оля, ты на выездную торговлю, неликвиды впаривать, а твой муж пусть у меня в магазине стоит за прилавком. А я ездить буду в Польшу, а когда дома – буду его подменять». Сама работает и два рабочих места создала. Всем хорошо, все при деле. Но угораздило Тоню закрутить роман с мужем этой Оли. Сначала от обиды на собственного мужа. Тот в постоянной депрессии из-за того, что дела в авиации хреновые. Вылетов мало, керосин экономят, платят редко, а он привык быть не только кормильцем, но и героем. Так что он в основном в тоске пребывал, не до жены ему было. А тут рядом молодой здоровый парень, бывший моряк, который тоже оказался не у дел, потому что его корабль списали и его заодно. Но, в отличие от ее мужа, чужой был очень приткий. И в магазине успевал работать, и в подсобке не ленился, ей и себе на радость. В обеденный перерыв они и пообедать успевали, и любовью заняться. Правда, немного мучила Тоню совесть, подруга все-таки. Но она думала, раз этого неумного хватает на нее, то и на собственную жену тоже. Главное, чтобы никто не оставался в накладе. Но подруга что-то грустить начала, а потом и говорит своей Тоне: «Мне кажется, у Сережки кто-то есть. Не спит со мной». Тоня на следующий день Сережку отчитала, а он ей и выдал: «Я же тебя, Тоня люблю!» Вот те на! Но вся беда в том, что Тоня и сама влюбилась в Сережку. И ситуация эта стала ее тяготить. А тут беда приключилась – начали на нее бандиты наезжать. Рэкетеры. Первые-то рэкетеры очень лютые были. Им деньги вынь да положь. Не дашь вовремя, в два счета пристрелят. Загнули какую-то несусветную сумму, а Тоне отдавать обидно. Деньги-то были, но она как раз собиралась за новым товаром. Говорит: привезу товар, подождите. А они ей: или деньги, или твой магазин спалим. Она на ночь мужа отправила караулить магазин, а его и убили. Поняла Тоня, что с бандитами шутки плохи, да поздно было. Она с перепугу магазин закрыла и в Польшу махнула за товаром. Думает, несколько дней подождут, они уже свое получили, силу свою показали. Приехала – магазин на месте, все в порядке. Звонит Сережке, чтобы выходил на работу. Пришел. В обеденный перерыв они, как всегда, вместе пообедали и уединились. Кто-то рвался в магазин, но дело было днем, и оба решили, что бандиты среди бела дня не рискнут выяснять отношения, а покупатели подождут. После обеда что-то нехорошо стало Тоне, пошла она домой. И встречается ей по дороге подруга Оля – бледная какая-то, не в себе. Просит зайти к ней. Тоня отнекивалась, голова, дескать, разболелась, ей бы прилечь, а та тянет ее – давай зайдем. Зашли. И подруга перед ней выкладывает стопочку писем. Говорит: «Это тебе». Тоня взяла машинально, читает. Обалдела даже. Этот дурачок Сережка оказывается ей письма писал, в любви признавался, да не решался отдать. Дома собирал в аккуратную стопочку. И жена их нашла. И как раз сегодня пришла в магазин объясниться, а они заперлись. Она видела через витрину, как они в подсобку зашли, дверь закрыли и торчали там минут двадцать. Разрыдалась эта Оля, стыдить начала Тоню, лучшую свою подругу, всякими словами обзывать.

Рассказывает мне эту драматическую историю Тоня, а я думаю: «Боже мой, как все это банально! Измена мужа, романтические письма, разоблачение любовников... Об этом столько писали в книгах, снимали фильмы... Ничего нового не происходит в мире. И все равно для каждого это трагедия, потому что касается именно его». И тут Тоня выдает: «И поверь, мне совсем не было стыдно, но такой гнев меня охватил, такая ярость, никогда за собой такого не замечала. Прямо ненависть. Думаю: ах ты, гадина! Я тебе работу дала, твоего мужа устроила, живете теперь как люди. А я своего Димку потеряла, лежит в сырой земле – молодой, не болел никогда, сколько в небе летал – и ничего. Я рискую постоянно, бандиты на хвосте сидят, ребенка пришлось к матери отправить в другой город. И смеешь еще закатывать мне истерики, проституткой обзывать. Из-за такой малости – мужиком не хочешь поделиться! И тут мне на глаза попался кухонный нож. Не знаю, что со мной произошло в этот момент. Схватила я этот нож и ей в шею. В артерию попала. Она сразу и упала. Умерла. А я стала такой спокойной, сама себе удивилась. Вытерла полотенцем ручку ножа, пооткрывала их шкафы, что-то повыбрасывала на пол, чтобы подумали, что их ограбили, дверь прикрыла и ушла домой. Сергей ведь

знал, что у меня голова болела, так что для него я дома была. И знакомые нас не видели, мы у самого ее дома встретились. Только меня в тот же день взяли. Нас все-таки соседка увидела из окна, когда я с Олей в подъезд заходила. И видела, как я выходила. И на двери их квартиры я отпечатки своих пальчиков оставила. Не предусмотрела всего, опыта у меня нет...»

Турецкий терпеливо и молча слушал свою собеседницу. К чему она вела этот рассказ о незнакомой ему Тоне?

– Вы, наверное, думаете, Александр Борисович, почему я вам рассказала эту историю? Не знаю. Наверное, потому, что это было одно из моих потрясений в зоне. Как-то трудно смириться, что человек вот так, запросто, в состоянии гнева, может убить лучшую подругу. Я тогда поняла, что человеческая жизнь ничего не стоит. Что ее может отнять любой, кому это взбредет в голову. В состоянии гнева, из зависти, из мести. Или просто потому, что кто-то кому-то мешает. Вот и я попала в зону, потому что нашелся кто-то и прикрыл истинного убийцу, мною прикрыл. Это так страшно! И я сидела с этими женщинами, хотя никого не убивала... И думала: а ведь, наверное, кому-то нужно было, чтобы я вместо него понесла наказание. Только не могла понять, почему именно я? Разве у меня были враги? Разве меня кто-то ненавидел? Завидовали – да. Но ведь не настолько, чтобы пришить мне убийство и в тюрьму засадить?..

Да, я вам уже говорила, что в тюрьме у меня было время подумать, чем буду заниматься, когда выйду на волю. Разговоры с Тоней в некоторой степени пошли мне на пользу. Она ведь тоже думала о том, чем будет заниматься, когда отсидит свой срок. Потому что ее магазин бандиты сожгли, когда она еще была под следствием. Так вот, она говорила, что вернется к своей торговле. Но теперь будет торговать продуктами. Потому что ситуация в стране меняется постоянно, конкуренция растет, и торговля барахлом вскоре не будет приносить такой прибыли, как прежде. А продукты нужны всегда. Мне это засело в голову и, когда я освободилась, решила себя попробовать в торговле. Я активная, напористая, голова у меня варит хорошо, почему бы и не попробовать? Начинала как все – с работы у хозяина. Потом удалось занять некоторую сумму, чтобы открыть свое дело. Небольшой магазинчик-пекарню, где, кроме меня, работали две женщины. У нас был всегда свежий горячий хлеб, и народ повалил к нам валом. Потому что в магазинах почему-то всегда продавали вчерашний. Такое впечатление, что и завозили уже вчерашний. Вскоре пришлось нанять еще пекаря, потом расширять площадь. В общем, первый свой капитал я заработала на хлебе насущном. Но я человек неумный и, когда руководила уже сетью таких магазинов-пекарен, решила продать свой бизнес и заняться торговлей по-крупному. Чтобы начать новое дело, нужны большие деньги. Пришлось кредит взять. Задумала я открыть магазин европейской одежды. Одной, без партнеров, конечно, не осилить такое дело. Но у меня уже связи к тому времени в торговой сфере наладились, знала, кому можно доверять. Чтобы не просто партнеры со своим капиталом присоединились, а чтобы единомышленниками были. Но организовывала все я. К тому времени страна наша из руины начала понемногу выходить, многие люди научились деньги зарабатывать, на таких клиентов мы и рассчитывали. Кстати, консультировалась с экономистами, психологами. Интересные вещи узнала.

Анна рассмеялась.

– Вы знаете, что есть довольно много людей-шопоголиков? Это те, которые испытывают настоящую страсть к покупкам. Кстати, американские нейробиологи уверены, что во время рейдов по магазинам у таких шопоголиков в мозгу вырабатывается гормон радости.

– Серотонин, – закончил за нее Турецкий, вспомнив слова своей жены.

– Совершенно верно. То есть удовольствие от покупок происходит даже на химическом уровне. Так вот, в обычной жизни шопоголики испытывают острую нехватку серотонина, а во время своих рейдов по магазинам отрываются по полной программе. Радуются. Кстати, психологи считают, что это своеобразная болезнь, уговорами здесь не поможешь. Лечить нужно антидепрессантами.

Турецкий подумал, что вряд ли страстные любители покупок согласятся на лечение взамен такому удовольствию – пошляться по магазинам и вернуться домой с ворохом покупок. Вспомнил Ирину, какая она возвращается из магазина возбужденная и тут же кидается демонстрировать приобретенные кофточки или новые брючки. Глаза горят, на щеках румянец, просто красавица. И взамен этого посоветовать ей принимать антидепрессанты? Да она его на клочки разорвет за такое предложение. Нет уж, пускай тратится в свое удовольствие. Конечно, в разумных пределах... Тем более что не такая уж она транжира.

– Общение с психологом мне на многое открыло глаза, о чем я прежде не задумывалась. Так что когда с такими шопоголиками сталкивалась – у нас же постоянные покупатели появились, – думала: все про тебя знаю! Не хватало тебе в детстве родительского тепла и ласки! И вот теперь выросла, пришла к нам за вниманием в магазин, подарками себя побаловать.

Мы продавцов нанимали не просто так, они у нас все психологическое тестирование прошли. Чтобы подход знали к покупателю, не навязывались, но и советы вовремя давали. Покупатели такие бывают с заниженной самооценкой, общение с продавцами дает им чувство собственной значимости.

– А вы не хотите написать диссертацию на тему: «Шопоголизм и причины его возникновения»? По-моему, круто бы получилось, – посоветовал Турецкий, поражаясь энтузиазму Анны.

– Да что вы, – махнула она рукой. – Об этом уже писали. На самом деле, меня эта проблема интересует только в одном ракурсе – побольше бы нам таких покупателей. Потому что приходится постоянно менять товар, завозить модные новинки, они же ненасытные!

– Почему-то я думаю, их все-таки не так много... – усомнился Турецкий.

– Простите, – вдруг опомнилась Анна. – Я села на своего любимого конька. Это уже профессиональное. Мужчине, даже следователю, эта тема, конечно, неинтересна.

– Да нет, что вы... – вежливо возразил Турецкий. – Зато я теперь понял, кто такие шопоголики. А то лично у меня таких знакомых нет. Жена не в счет. Слава богу, у нее нет таких средств, чтобы все спускать на покупки. И прошлое у нее было счастливое – купалась в любви и ласке. И, к счастью, самооценка у нее довольно высокая. Очень она у меня самостоятельная и решительная. Одним махом все проблемы решает.

– Это замечательно. Рада за вашу семью, – искренне заулыбалась Анна. – А теперь о главном. Я тут, видимо, переусердствовала со своей лекцией. Просто торговля – это мое дело, которое я делаю с увлечением. И мне хотелось, чтобы вы поняли, насколько для меня важно заниматься любимым делом. Но теперь главное.

Дела наши пошли в гору, бизнес крепко стоит на ногах, у нас сеть магазинов, которые мы объединяем в корпорацию. И, естественно, поскольку я стояла у истоков нашего дела и вложила в него все силы и большую часть капитала, мне прочат кресло руководителя. Я и не сомневалась, что коллеги выдвинут меня. Но тут всплыл слух о том, что я в свое время совершила убийство. Ума не приложу, кто узнал и как это раскрылось. Я ведь специально и в другой город уехала, чтобы ничто не напоминало о моем прошлом. Но кто-то очень старается, выпустил из лампы этого злого джинна – версию убийства и факт моей судимости. В общем, все это такая мерзость! Ведь понятно, что меня хотят опорочить, перекрыть дыхание. Я пытаюсь понять, кому это нужно. Из коллег никто о моем прошлом ничего не знал. Претендентка на руководство я одна, просто никто не сделал так много для общего дела, как я. И коллеги мои – люди не случайные, проверенные. Никто из близкого окружения не мог меня так подло предать.

– Я бы не стал зарекаться. Даже в семьях родные люди предают друг друга. Кстати, и насчет того, что вы единственная претендентка, – это ваше мнение. Кто-то может считать иначе. Не всегда руководителями становятся те, кто больше всего заслужил это.

– Я согласна с вами. Но своих людей я знаю. Поверьте моему чутью. Я столько успела пережить, что мой жизненный опыт чего-то стоит. Я оставила то страшное убийство в своей прошлой жизни. Забыла о нем. Поверьте, я не вспоминала об этом годами. И тут мне напоминают самым подлым образом. Но я же не убивала того человека! Александр Борисович, я думала, мне никогда больше не придется возвращаться к тем событиям. И раз меня вынуждают, я хочу обелить свое имя. Хочу доказать правду. Я хочу бороться за свое честное имя и за цену не постою. В общем прошу вас взяться за это дело, найти того, кто убил на тех злосчастных соревнованиях невинного человека. Я уверена, вы сможете. Вы возьметесь за это? Повторяю, обещаю любые деньги.

Предложение озвучено, и Турецкий ненадолго задумался. В конце концов, он сейчас свободный человек, и дело предстояло хоть и запутанное, но интересное. Спустя столько лет попытаться найти убийцу – это хороший шанс доказать свой профессионализм. Да и Анна ему понравилась. Почему бы не помочь хорошему человеку? К тому же он получит за свой труд деньги, что тоже является большим плюсом в нынешней жизни.

– Я возьмусь за ваше дело, – наконец произнес он. – Но мне нужно задать вам немало вопросов, чтобы прояснить ситуацию того времени.

– Я отвечу на все ваши вопросы, – обрадовалась Анна. – Потому что несправедливо – понести наказание за чужое преступление да к тому же расплачиваться потом за него всю жизнь.

– Тогда приступаем сейчас же. Скажите мне, пожалуйста, кто был вашим тренером? Жив ли он? Где живет сейчас? Что вы о нем знаете? Нарисуйте мне схему – кто где стоял, когда вы стреляли по мишени? Напишите имена всех, кто присутствовал. Обязательно тех, кто стоял рядом. Сколько метров было до оцепления? Сколько метров до мишени?

У Анны загорелись глаза. Она даже не ожидала такой прыти от следователя, и по его вопросам поняла, что на него можно рассчитывать.

Турецкий расстелил на столе разворот из школьной тетради и вручил ручку Анне.

– Рисуйте, надписывайте. Потом приступим к характеристике всех известных вам людей из присутствовавших на соревнованиях, которые находились рядом с вами.

4

Плетневу было не до Турецкого. Какой Турецкий, когда жизнь вокруг бьет ключом, музыка грохочет, и бармен стоит за стойкой в широкополой тexasской шляпе, как заправский ковбой. И вокруг полно моряков, все в разных формах, словно съехались со всего мира да и решили побрататься в портовом городе Новороссийске, в этом прокуренном баре, перекрикивая друг друга и в сплошном оре умудряясь кое-как понимать разноязычную речь окружающих. Плетнев любил моряков. И сейчас завидовал им – свободные люди, им весь мир подвластен. Небось столько навидались в жизни, ему и не снилось! Слева от него отрывались трое поляков. Они уже выпили и за родину, и за красивых девушек, а теперь затянули протяжную песню на родном языке, пытаясь перекричать мощные усилители стереосистемы, колонки которой висели прямо у них над головой. Плетневу совсем не нравилось их пение, поскольку они орали друг другу в ухо дурными голосами.

– Хлопцы, не орите так... – попросил их вежливо Плетнев.

Один похлопал его по спине и жестом пригласил присоединиться.

– Да я польский не знаю... – отмахнулся Плетнев.

– Северина Краевского не знаешь?! – изумились поляки. – «Червоны гитары» все знают!

– Вспомнили!.. – усмехнулся Плетнев. – Когда ваши «Червоны гитары» гремели, я под стол пешком ходил.

Поляки очень неодобрительно на него посмотрели и отвернулись допевать свою песню. Какие-то фанаты Краевского, которому, наверное, в обед сто лет. Он еще в советские времена пел. Ну и ну...

Плетнев тяжело облокотился локтями на стойку бара и, покачиваясь, попытался пересчитать выставленные перед ним рядом рюмки. Пересчитал и удовлетворенно крикнул. Девять пустых, но десятая еще полная.

– А вот сейчас и ее оприходуем! – тихо пробормотал себе под нос пьяный Плетнев и лихо опрокинул в широко открытый рот рюмку. Закуски не было, но зато у сидящей справа девушки такие шикарные волосы, что не грех занюхать одним локоном. Что ей, жалко? Только промашечка вышла, ненароком дернул девушку за волосы и сразу же нарвался на грубость.

– Совсем охренел? Ты сколько выпил... ковбой? – вяло ругнулась девушка и отпихнула обидчика. Правда, силенок у нее маловато оказалось, так что Плетнев, невзирая на высокий стул, удержался на нем и не свалился.

– Полметра текилы... Нет... Сантиметров сорок пять... – забормотал Плетнев и сам себе удивился. – Что я за ахинею несусь?

Девушка смотрела на него без любопытства, глаза у нее были затуманены. И это понравилось Плетневу. Таинственный взгляд. Романтический...

– Девушка...а вы похожи на... – решил поддержать разговор Плетнев и нарвался на новую грубость.

– Не похожа... ковбой...

Какая грубая девушка. Нет в ней понимания. Только Плетнев хотел высказать вслух по этому поводу свое огорчение, как она встала со стула и довольно пряменько пошла к выходу. Почти не качаясь. Поляки переглянулись и ринулись за ней. Вот, оказывается, для кого они так старались.

Положительно со знакомствами Плетневу в этом баре не везло. Какая грусть и тоска! И не к кому приклониться, так как вокруг одни незнакомые рожи. Обидно – на него никто не обращал внимания. Всеобщее братание, а он как-то в стороне. Непорядок!

– Ты, братан, откуда? – не удержался Плетнев и обратился к веснушчатому моряку в маленькой шапочке с помпоном.

– Здешний я, мужик, – довольно трезвым голосом отозвался сосед. – Зашел на огонек. Со вчерашнего трубы горят... – пожаловался он.

– И у меня горят! – оживился Плетнев. – Давай с тобой жажнем за победу наших!

– Где? – не удивился странному тосту веснушчатый.

– Да везде! На всей планете! Ты смотри, – обвел широким жестом вокруг себя Плетнев, – сколько народу подвалило! Со всего света. Значит, мы им нужны? У нас есть все! – гордо заключил он. – Прикинь – недра у нас богатые, водные просторы немереные... А победы в космосе?! Вот они и слетаются. А мы их всех победим. Нас много. Вот поднатужимся чуток, и мы им покажем! За победу!

– Жахнем! – поддержал его веснушчатый. И крикнул бармену:

– Эй, ковбой в шляпе, давай сюда еще текилы. За родину пьем!

– Пейте, пейте, – поддержал их бармен. – Пока такие, как вы, за родину пьют, значит еще не все потеряно.

– А что он хотел этим сказать? – не понял Плетнев.

– Да хрен его знает. Наверное, усек, что мы патриоты... Давай пей...

Рядом с ними вдруг во все горло запели английские моряки.

– Горазды пить эти англичане! Я за ними уже второй час наблюдаю. Не хуже наших. Давай с ними потремся? Будем укреплять мир и дружбу между народами, – предложил веснушчатый. – Кстати, меня Вольдемаром зовут.

– А я Антон, – пожал его руку Плетнев. – Но ты ж вроде из наших! – удивился он имени соседа.

– Кликуха у меня такая.

– Давай, Вольдемар, я согласен укреплять... А ты чем, не к ночи будет сказано, промышляешь?

– Да так, по мелочи, – отмахнулся новый знакомый. – Прикинь, выменял у одного англичанина форму за бутылку самогона. Бабка моя в деревне гонит. Запах – мертвый встанет. Я как дал ему нюхнуть, его чуть не стошнило. Как пристал – ченч, ченч... Это по ихнему – обмен. А то, говорит, деньги у него одна наша герла в борделе сперла. Главное, он ее лицо не запомнил. Говорит, она его на какой-то корабль приволокла, старый, ветхий... Говорит, ну, у вас и флот! А я сразу потумкал, что она его в бордель на баржу притащила. Да уж не стал выдавать. Своих не выдаем! – гордо заключил он. – Ну, я ему в утешение этот бутылку. Но не за так же, чего это я внакладе должен оставаться, даже если я дружбу укрепляю? Говорю ему – давай ченч на форму. У тебя же она не одна. А мне для прикола пригодится. И точно, менты теперь никогда не останавливают. А то им раньше все моя рожа не нравилась, подозрительной казалась. Так это, поперлись к нему, я на берегу подождал, он мне и вынес. А я ему самогон. Наверное, хочет кого-нибудь поразить. Рашен сувенир, – заржал довольный Вольдемар.

Плетнев уютно облокотился на стойку, Вольдемар ему нравился все больше.

– Слышь, дружбан, а ты чем занимаешься? – спросил Вольдемар у Плетнева, заглядывая в осоловевшие глаза собутельника.

– Да приехал по одному дельцу. Друга выручать. Да что-то подзадержался. Пора бы уже и отчаливать, да все некогда. Как навалилось – то одно, то другое... То свет отключили, то с другом пособачились...

– Ну, ты и навертел! То выручаешь, то собачишься... – укоризненно изрек Вольдемар.

– Да у нас всю дорогу так... – вздохнул Плетнев. – Друг у меня такой, неадекватный. Чуть что – в рыльник. А я тоже горячий. В психушке отсидел, даром не прошло. А он еще к жене своей ревнует... Ну я, правда, был равнодушен к ней. Но не разрешал себе ничего, ни-ни! – замахал руками Плетнев, предупреждая вопрос Вольдемара. – И это уже прошло. У меня тут такая любовь была... Такая девочка! А мой сынок-губошлеп, дурачок, все испортил. Девочка от меня тю-тю. Жена друга с моим сынком тоже тю-тю. Уехали. Одним словом – кино

и немцы. Так что я остался тут кое-что уладить. Да с другом поругались. Опять. Как мне все это надоело! – пожаловался он Вольдемару и тяжело вздохнул.

– Что-то все от тебя тю-тю. Неправильно себя ведешь! Тебе надо новую девочку завести, – безапелляционно посоветовал Вольдемар. – Она всю твою грусть-тоску разгонит. И другу твоему надо новую девочку. А че? Жена смылась, на фига такая? Он что ей, клятву верности давал?

– Давал, наверное, в загсе...

– В загсе из тебя клещами клятву верности вытянут. У них работа такая. Слушай, друг, айда за твоим дружбаном. Вместе пойдем. Мне тоже девочку приспичило. Аж свербит. Я одно место знаю. Девочки – закачаешься.

– Слушай, а ты, часом, не по сутенерской части? – вяло поинтересовался Плетнев.

– Да есть маленько, – не смутился Вольдемар. – Я ж тебе говорю – по мелочи шуршу. То там, то сям... Бабке помочь надо, крышу перекрыть. Бабло на это нужно, вот и зарабатываю.

– А что ж ты ей дом не построишь? Сутенеры, слышал, немало загибают...

– Боюсь. Вдруг конфискуют? Она ж у меня первая самогонщица в деревне. Тамошний мент у меня на прокорме. А ну как более серьезная комиссия? Бабка у меня неосторожная, психолог неважнецкий. Кому попало самогон продает. Лишь бы бабло давали.

– Так ты ее тоже на прокорм возьми. Ей, видать, денег на жизнь не хватает, раз она в это дело ввязалась.

– Да ты че?! Думаешь, я родную бабушку обижаю? – поразился Вольдемар. – Она у меня как куколка ходит. Я ей шмоток привожу, у нее уже из шифоньера вываливаются. Как дверцу приоткроет, так все на пол – шарах! Потом нужно запихивать, подпирать, изловчиться дверцей придавить... Мясо каждый день лопают. И колбасу. Без хлеба! Кусает вот такими кусищами! И куда только все это влезает? Крепенькая такая, не обхватишь, – похвастался Вольдемар габаритами бабки. – Но от самогона ни за что не хочет отказаться. Гонит из любви к искусству. Ну и нехай, сколько ей еще осталось? Пусть радуется жизни. У кого есть увлечение, те живут дольше. У меня знаешь какая бабка? Класс! Хочешь, поедем к ней? Бери дружбана и махнем. Наберете самогону, сколько довезете.

– Так ты и бабке клиентов поставляешь? – усмехнулся Плетнев.

– А че? Надо ж родному человеку помочь... Ну так как? К девочкам или к бабке?

– Погодь немного. Хорошо сидим, чего с места срывать? Тем более мы ж с тобой хотели дружбу укреплять.

Плетнев протянул руку и похлопал высокого худого англичанина по плечу, тот обернулся и заулыбался, увидел в русском парне родную душу.

– За победу! – чокнулся с ним Плетнев.

Англичанин не понял, но радостно ответил:

– Of course!

– Чего он сказал? – поинтересовался Вольдемар, в свою очередь потрепав англичанина по плечу.

– Согласен с нами... – ухмыльнулся Плетнев.

5

Жаль, что Анна так торопилась. Турецкий с удовольствием помучил бы ее еще расспросами о ее славном спортивном прошлом. Ему не раз приходилось применять огнестрельное оружие, но о пулевой стрельбе как виде спорта он знал недостаточно. Иногда смотрел по спортивному телеканалу соревнования, но особо не вникал. Его интересовал результат – кто выйдет победителем. Конечно, для него не было новостью, что выступления спортсменов-стрелков ведутся из винтовок и пистолетов – пневматических, малокалиберных и крупнокалиберных. Знал, что соревнования проводятся ежегодно различного уровня, от региональных до чемпионатов мира и Европы. Анна просветила его, что Международной федерацией стрелкового спорта по пулевой стрельбе предусмотрены пятнадцать мужских и семь женских упражнений, которые включаются в программы международных соревнований. В обязательную олимпийскую программу входят шесть мужских и четыре женских упражнений. Информация любопытная, но к делу не относящаяся. Так, для общего развития.

– У меня сохранился телефон моего тренера – Лагутина Юрия Ильича. К счастью, я не выбрасываю старые записные книжки, – сказала Анна. – Я выписала телефоны нескольких участников, которые тогда были со мной на соревнованиях. Также у меня есть имена следователя и эксперта-криминалиста. Я все их сохранила, потому что собиралась когда-то бороться за свое честное имя, но потом поняла – не смогу. Проще забыть, чем лучшие годы тратить на то, в результате чего я совсем не уверена, – доказать справедливость.

Анна положила перед Турецким тонкую пластиковую папку с несколькими листами, исписанными от руки.

– К слову, я не вижу необходимости давать характеристику своим коллегам по спорту. Одних я знала мало, кого-то видела впервые. Это же не командный вид спорта, я имею в виду, не по-настоящему командный. Это волейболисты, баскетболисты, футболисты могут вам все рассказать об игроках по команде. Кто чем дышит, кто с кем спит, у кого где счета... А мы – каждый сам по себе...

– А какие отношения у вас были с тренером?

– Замечательные. Он не просто классный тренер, он еще и отличный педагог, психолог. Одним словом – профессионал. Требовательный, жесткий, но справедливый. У нас никогда не было конфликтов.

– А какую позицию он принял, когда против вас начали следствие?

– Конечно, защищал меня. Говорил на суде, что я не могла ошибиться. И доказательство тому – пули в мишени из моей винтовки. Но на каком-то этапе следствия эксперты доказали, что одна из моих пуль попала в того человека. Я до сих пор не могу понять, как такое могло случиться? На стрельбище был сделан один вывод, а после работы экспертов совсем другой. Но кому поверят на суде? Конечно, экспертам... Пулю предъявили как вещественное доказательство.

– А как вы думаете, был ли кто-то заинтересован именно в таком выводе экспертов?

– Наверное, те, кто хотел и победы. А хотели ее все участники.

– Но реальные шансы, наверное, были не у всех?

– Реальных конкурентов было трое-четверо.

– Напишите мне их имена, – Турецкий протянул Анне ручку и лист бумаги.

Анна с сомнением повертела ручку в руках.

– Вряд ли это что-то разъяснит... Не получится ли, что я «закладываю» своих бывших противников?

– А уж в этом разобраться позвольте мне, – мягко попросил ее Турецкий.

Анна записала имена и фамилии и вздохнула, как будто выполнила тяжкий долг, противоречащий ее убеждениям.

– Сколько вы еще собираетесь пробыть в Новороссийске? – поинтересовался Турецкий в надежде, что сможет встретиться с Анной в неформальной обстановке.

– Через два часа уезжаю. Я ведь деловой человек, а свое дело надо держать под контролем. Но вот мои телефоны, звоните в любое время.

Анна положила на стол визитную карточку и дописала от руки еще три телефона.

Действительно, очень деловая дама.

Они попрощались, и Турецкий пошел за Анной закрывать калитку. Походка у Анны была легкая, и он не мог оторвать глаз от ее фигуры. Королева... – только и подумал. Но не про меня... Однако руку на прощание поцеловал. Анна вскинула на него удивленные глаза и слегка улыбнулась. Он смутился. Действительно, как-то по дурацки вышло. Следователям негоже целовать руки клиентам. Вот если бы он был ее модельером или, на худой конец, дантистом, тогда другое дело.

За забором застучали каблучки ее туфель, потом послышался шум подъезжающей машины. Турецкий поднялся на цыпочки и заглянул за забор. Анна садилась в такси.

Теперь, когда аромат духов уплыл вместе с хозяйкой, можно было отвлечься от ее женских чар и сосредоточиться на деле. Прежде всего стоило бы встретиться с тренером. Турецкий тут же стал набирать номер телефона Лагутина Юрия Ильича.

Трубку подняли сразу, словно хозяин сидел у телефона и ждал звонка. Турецкий представился и попросил о встрече. Юрий Ильич немного поколебался, но все-таки согласился.

Бывший тренер Анны Гущиной – немного грузноватый мужчина средних лет – с любопытством смотрел на гостя. Он усадил его на диван, а сам устроился в кресле напротив. Обстановка в комнате была скромная, мебель типичная для пятидесятых годов – светлый орех, довольно потертый. На облезлом журнальном столике лежала стопка газет, несколько журналов, в пепельнице дымилась недокуренная сигарета.

Турецкий подробно описал причину своего визита.

– Ну, как там моя подопечная? – сразу стал расспрашивать Турецкого тренер. Его карие глаза внимательно смотрели на собеседника. – Я ее давно уже не видел. С тех самых пор, когда случилось это... несчастье и я присутствовал на суде.

– Слава богу, процветает, – порадовал его Турецкий. – Спорт, конечно, пришлось оставить. Но она теперь снискала себе уважение на другом поприще.

– А чем она теперь занимается?

– Бизнесвумен, – коротко ответил Турецкий. – Я хотел спросить у вас, Юрий Ильич, как высоко вы ценили успехи Гущиной в стрельбе?

– Очень высоко. Чрезвычайно талантливый стрелок. Вы знаете, сколько у нее наград? Да рядом с ней я бы мог поставить не больше двух-трех стрелков такого уровня. Очень жаль, что все так печально закончилось и ее карьера прервалась на самом пике расцвета.

– Я пришел к вам поговорить о том далеком дне, когда произошла эта трагедия.

– Прошло уже десять лет... – напомнил Юрий Ильич.

– Тем не менее хотелось бы прояснить картину. Никогда не поверю, что вы все забыли.

– А я этого и не говорю, – вдруг горячо возразил тренер. – Вы знаете, когда меня как свидетеля вызывали к следователю, да не однажды, я подробно рассказывал, кто где стоял, когда Гущина произвела свой выстрел. Пытался доказать, что она не могла попасть в того бедолагу из оцепления.

– Мне она тоже нарисовала схему. Не хотите ли ознакомиться? Может, что-то сможете уточнить?

Юрий Ильич расправил перед собой тетрадный лист и низко склонился над ним. Какое-то время поизучал, что-то тихо бормоча.

– Да, это было именно так. Вот смотрю на схему и сразу восстанавливается картина того дня. Гущина стояла на крайней позиции. Слева от нее стоял Мартынов Костя, рядом с Анной – Денис Белобров. Тоже мощный стрелок. Кстати, тот человек, из оцепления, стоял по правому краю...

Он поднял голову и взял тлеющую сигарету из пепельницы, затянулся.

– Расширяет сознание... – вдруг сказал, выпустив тонкую струю дыма.

– Никогда об этом не задумывался, – признался Турецкий. – А ведь вы правы – действительно расширяет. Надо бы запомнить эту фразу.

– Анна Гущина была, можно сказать, моей любимой ученицей. Стрелок от Бога. Теперь кажется, что не было таких вершин, которые она не могла бы достичь. Подрезали ей крылья, подрезали...

– Кто подрезал? – решил поймать его на слове Турецкий.

– Кто? – переспросил Лагутин. – Да кто ж знает? Экспертиза подтвердила, что пуля ее... – Он опять затянулся. – А разве попрешь против факта? Хотя он и кажется невероятным.

Он держал сигарету двумя пальцами и о чем-то задумался. Молчал теперь долго, и Турецкий терпеливо ждал, когда же Лагутин вынырнет из глубин своих воспоминаний. Юрий Ильич сидел в удобной позе, и его крупная с залысынами голова надежно расположилась в ямке изголовья старого массивного кресла. Тяжелые веки полуприкрыли глаза, и Турецкий забеспокоился, не засыпает ли его собеседник. Он осторожно заскрипел диваном. Лагутин встрепенулся.

– Не беспокойтесь, не так уж я стар, чтобы засыпать посреди разговора. Просто пытаюсь опять воссоздать картину. И ничего нового! Все то же, что я уже рассказывал. Вы знаете, Анна была стрелком такого высокого класса, что ее приглашали участвовать в мужских соревнованиях. А ведь по мере развития мирового стрелкового спорта программа чемпионатов постоянно усложнялась. За счет введения новых упражнений и дополнительного вида оружия. Я о пулевой стрельбе могу лекции читать, жаль – никому теперь не нужно. Общество «Знание» благополучно захирело. А пулять из пистолета может каждый дурак, у кого в мозгах одна мысль – нажива. Это я про бандитов.

– Да я понял... – вздохнул Турецкий. – Но во мне, кстати, вы бы нашли благодарного слушателя. Стреляю я неплохо, в основном по живой мишени, по этим самым бандитам. Правда, нечасто. Можно сказать, совсем редко. Но стрельба, как вид спорта, меня интересует. Особенно теперь, коль я взялся помочь бывшему чемпиону страны по пулевой стрельбе.

Лагутин оживился и даже загасил сигарету, сильно вдавив ее в пепельницу.

– Тогда извольте. Небольшой экскурс в историю. Вам, наверное, неизвестно, что на Олимпийских играх в 1896 году выполнялось пять упражнений – два в стрельбе из винтовки и три – из пистолета. А на следующих играх, в 1897 году – всего одно упражнение из винтовок, и так до 1900 года, когда программу дополнили стрельбой из пистолета. Только в 1949 году Международный союз стрелкового спорта официально ввел в программу чемпионатов стрельбу по движущейся мишени. К 1994 году программа чемпионатов продолжала усложняться в рамках отдельных дисциплин. И в 2002 году была введена стрельба из крупнокалиберных винтовок на 300 метров для женщин. В том же году женскую программу дополнили новым упражнением – стрельбой из пневматической винтовки по движущейся мишени. Так вот, Анна была асом в стрельбе по движущейся цели.

– А теперь, пожалуйста, поподробнее о движущейся мишени.

– Первый чемпионат проводился в 1929 году и стрельба велась на 100 метров из винтовки по мишени «бегущий олень». Выполнялись два упражнения – 50 одиночных и 25 двойных выстрелов. Позже были и «бегущая косуля», и «бегущий кабан». Но я вас датами не буду мучить, все равно не запомните. А выглядели мишени так: пять концентрических габаритных колец, а «пятерка» имела диаметр 50 миллиметров. В настоящее время мишень разделена на

10 габаритных колец с «десяткой» диаметром 60 миллиметров. В женскую программу чемпионатов мира стрельбу из пневматической винтовки ввели в 1994 году.

– А в документах как-то обозначаются названия упражнений, дистанция стрельбы, вид оружия, число выстрелов?

– Непременно. Используют краткие названия упражнений при помощи аббревиатур. Например: МВ – малокалиберная винтовка, ПП – пневматический пистолет, ПВ – пневматическая винтовка.

– А как производится полная запись?

– Я вам лучше сейчас запишу для наглядности на бумаге. Допустим, такая запись: МВ-50 (STR3 # 20) – расшифровывается как стрельба из малокалиберной винтовки, дистанция 50 метров. Положение – лежа, стоя, с колена 3 # 20 выстрелов. Упражнения могут делиться на две части. Первая – 30 выстрелов – выполняется по неподвижной мишени, вторая – 30 – по появляющейся. Стрельба ведется сериями по 5 выстрелов в одну мишень. В первой половине каждая серия выполняется за 6 минут, во второй – в каждой серии мишень появляется 5 раз на 3 секунды, в течение которых стрелок производит один выстрел.

Лагутин весело посмотрел на Турецкого. Видно было, какое ему доставляет удовольствие поговорить на любимую тему.

– Не устали еще? – спросил он.

– Не только не устал, внимаю каждому вашему слову. Как жаль, что вы не выступаете с лекциями! Но вернемся к Гущиной. Как вы думаете, были ли у нее враги, завистники?

– Даже сомневаться не приходится. Завистники, конечно, были. Те же девчонки, которых она раз за разом побеждала. А парни? Если она принимала участие в соревновании наравне с ними, по самолюбию их, конечно, било! Ведь и в мужской команде мало кто мог с ней сравниться.

– А кого вы считали самым сильным противником из мужской команды, когда Гущина с ними соревновалась?

– Денис Белобров – серьезный стрелок. Известный был на то время. Потом, правда, тоже из спорта ушел. Но не сразу. Костя Мартынов мало в чем уступал Белоброву. Виталий Прокопенко тоже очень перспективный был. Гена Яшкин, Тарасенко Толя... Каждый из них тоже принимал участие в состязаниях на первенство Европы. Где они теперь, чем занимаются, даже не знаю. Виталик одно время в бизнес подался, да потом у него неприятности какие-то были, чуть ли не на счетчик его бандиты поставили. Не знаю, чем дело кончилось.

– А как вы думаете, мог ли хоть один из них невзначай попасть в того несчастного?

– Не могу сказать. В жизни всякое случается. Видите, за Гущину Аню ручался, а экспертиза совсем другое показала.

Лагутин опять закурил.

– Я думаю, вам лучше встретиться со следователем или еще с кем-то из тех, кто был тогда на стрельбище.

Турецкий встал и у выхода пожал крепкую руку Юрия Ильича. Тот задумчиво смотрел на него, потом добавил:

– Все пули, которые выпустила Аня, были в мишени. Я сам считал. Могла ли она попасть в человека? Чепуха! Чем? Лишних пуль не было, выстрелов тоже. Загадка! И ведь эксперты подтвердили – ее пуля. Как это?... Узнаете – скажите мне. Я над этой загадкой бьюсь уже десять лет.

На улице Турецкий заглянул в список, который ему дала Анна. Пожалуй, стоит съездить на стрельбище, поглядеть. Одно дело видеть чертеж, а совсем другое сопоставить его с натурой. Адрес стрельбища дал Лагутин, и Турецкий, пропустив несколько иномарок, притормозил старенькую «Ниву».

Водитель, усатый мужик с продувной рожей и хитрым взглядом, явно обрадовался, когда услышал, что ехать придется за город. Более того, не сдержал улыбки, когда выгодный клиент предупредил, что его нужно будет подождать не менее получаса. А может, и час.

– А если больше, это вас не напряжет? – спросил Турецкий и отметил радостный блеск в глазах водителя.

– Ни боже мой! – заверил тот. – За доплату, – добавил он, скромно потупив взгляд.

– Тысяча за все устроит?

Мужик аж поперхнулся от предложенной цены. Он рассчитывал сорвать с этого приезжего с московским говором рублей шестьсот. А тут «тыща»! Да за такие деньги он и три часа прождет. И дверцу перед ним откроет-закроет. Но нельзя было подавать вида, что эта «тыща» произвела на него сильное впечатление.

– Годится... – небрежно обронил он. Мол, и не за такие деньги возил.

Водитель всю дорогу трепался, развлекал Турецкого. Решил отрабатывать свои деньги по полной программе.

– ...А еще был у нас случай на рынке. Там лохотронщики народ обирали. У-у, сволочи! Без стыда и совести! Мне жена рассказывала, сама видела, как перед ними баба деревенская на коленях стояла, умоляла вернуть деньги. Дескать, вся деревня собралась, наказывала ей покупки. А эти сволочи ей в лицо смеялись. И народ мимо проходит, никто не вступится, все их боятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.